

Психологические науки

УДК 159.99

КОМПЬЮТЕРНАЯ СИСТЕМА ЦЕННОСТНО-ПОТРЕБНОСТНОЙ ТАХИСТОСКОПИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ АНТРОПО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ И АНТРОПО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ «АНТРОПО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА»

В.Г. Морозин

Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова (Абакан, Россия)

Аннотация. В статье обсуждается проблема психологической диагностики. Также бсуждается теория палеопсихологических этапов антропогенеза Homo Sapiens. Представлена авторская методика «Антропо-Психологическая Диагностика». Это вариант аппаратной, компьютерной системы ценностно-потребностной тахистоскопической диагностики антропо-психологической идентификации и антропо-психологической идентичности.

Ключевые слова: ценностно-потребностная сфера личности (ЦПСЛ), симультанная тахистоскопическая экспозиция, сукцессивная тахистоскопическая экспозиция, антропо-психологическая идентификация, антропо-психологическая идентичность, психологическая диагностика, авторская методика

UDC 159.99

COMPUTER SYSTEM OF VALUE-NEED TACHISTOSCOPIC DIAGNOSTICS OF ANTHROPO- PSYCHOLOGICAL IDENTIFICATION AND ANTHROPO- PSYCHOLOGICAL IDENTITY “ANTHROPO- PSYCHOLOGICAL DIAGNOSTICS”

V.G. Morogin

Katanov's Khakass State University (Abakan, Russia)

Abstract. The article discusses the problem of psychological diagnostics. The theory of the paleopsychological stages of anthropogenesis of Homo Sapiens is also discussed. The author's method “Anthropo-Psychological Diagnostics” is presented. This is a variant of the hardware, computer system of the value-need tachistoscopic diagnostics of anthropo-psychological identification and anthropo-psychological identity.

Keywords: value-need sphere of personality (VNSL), simultaneous tachistoscopic exposure, successive tachistoscopic exposure, anthropo-psychological identification, anthropo-psychological identity, psychological diagnostics, author's method

Палеопсихологические этапы антропогенеза Homo Sapiens

Происхождение и становление человека современного вида до сих пор является одной из самых обсуждаемых, и в то же время самых запутанных проблем антропологической науки. Дискуссии ведутся не только в научных кругах, но и в средствах массовой информации, на телевидении, где предлагаются самые невероятные варианты происхождения человека. Единственное, что объединяет все эти концепции – попытка найти внешнюю причину появления сознания и мышления у человека: это может быть божественный промысел, космические пришельцы, обитатели морских или, наоборот, земных глубин. Еще одна общая особенность таких «учений» – полная

уверенность в своей правоте и такое же полное отсутствие каких-либо убедительных доказательств. Читатель или зритель должен просто поверить всем этим, нередко психопатологическим, умозаключениям.

Первые попытки представить проблему происхождения человека, не прибегая к креационистским концепциям, связаны с теорией биологической эволюции Ч. Дарвина, которая перевернула представления о природе человека и подтолкнула самых выдающихся своих сторонников – К. Фохта, Э. Геккеля и Т. Гексли к идее о том, что человек произошел от обезьяны. Сам Ч. Дарвин, несмотря на то, что именно ему приписывают эту мысль, никогда так не высказывался.

Однако очень скоро стало ясно, что прямых родственных связей человека даже с самыми высшими – человекообразными – обезьянами обнаружить не удастся: слишком далеко на эволюционной лестнице отстоят антропоморфные понгиды от современного человека. Значит, должен был существовать промежуточный ископаемый вид, обладающий таким свойством, которое отличало бы его от всех антропоморфных приматов и остальных животных и представляло эволюционный мост между обезьяной и человеком. И такое свойство вроде бы было найдено – прямохождение или, шире, ортоградность. В XIX и XX столетиях палеоантропологами были обнаружены многочисленные костные останки существ, которые передвигались на двух ногах, но по строению черепа не отличались от обезьян. Это семейство получило название австралопитековых; Б.Ф. Поршнев, следуя традиции К. Линнея, называл их троглодитидами. Среди множества видов, составляющих это семейство, был выделен как отдельный и самый поздний вид австралопитеков *Homo Habilis* – человек умелый, способный изготавливать примитивные орудия. Скорее всего, опираясь на эти факты, Б. Франклин характеризовал человека как «а toolmaking animal» – «животное, делающее орудия». Но сопоставление археологических находок с данными современной зоологии показали, что ни прямохождение, ни способность изготавливать орудия не являются исключительной особенностью человека. К тому же нет никаких оснований считать, что австралопитековые, в том числе хабилисы были разумными существами, обладающими сознанием и

мышлением. Тем не менее, в реконструкциях поведенческих особенностей не только этого семейства, но и более ранних палеоантропологических находок – сахелянтроп, ардипитек, оррорин, и даже антропоморфных (нечеловеческих) обезьян, да и других животных, например, крыс, современные палеоантропологи свободно используют такие понятия, как мышление, осознание, понимание, метапознание, социальная организация (Марков, 2014а; Марков, 2014б).

Проблема обезьяночеловека – промежуточного звена между человеком и обезьяной – возникла потому что, несмотря на наличие примитивных орудий (так называемые олдовайские гальки – камни, оббитые 2-3 ударами), говорить о наличии у австралопитековых разума еще рано. Есть много животных видов, изготавливающих орудия, намного более совершенные, чем олдовайские гальки (бобры, пчелы, муравьи, птицы и т.д.). Более того, гипотеза, до сих пор занимающая в антропологии весьма сильные позиции, о том, что далекие предки человека занимались охотой на крупных животных и с этой целью изготавливали орудия из камня и иных подручных материалов, не выдерживает серьезной критики. В то время (верхний плиоцен, нижний и средний плейстоцен) на планете господствовали, наверное, самые эффективные за всю историю Земли хищники-убийцы – махайроды, конкурировать с которыми в охоте на крупных травоядных даже вооруженный каменным топором человек никак не мог. Эти хищники были в полтора раза крупнее современных тигров и имели в своем распоряжении очень эффективное орудие убийства – полуметровые клыки. Однако эти клыки хороши для охоты, но не для поедания добычи. Они сильно мешали во время трапезы, поэтому саблезубые тигры питались в основном свежей кровью или выедали у жертвы мягкие части – печень, почки, сердце. Остальная часть туши доставалась хищникам-некрофагам: волки, гиены, шакалы и пр. Предок человека также нашел здесь свою питательную нишу. Генетически усвоив навык человекообразных обезьян разбивать с помощью камней твердые оболочки орехов и панцирей, австралопитек перенес его на разбивание черепов и костей, убитых махайродами или умерших естественной смертью травоядных, и таким образом стал добывать очень

питательный и богатый белками головной и костный мозг. В этой экологической нише конкурентами нашего далекого предка были лишь некоторые грызуны и насекомые, с которыми ему было нетрудно справиться. Ортоградность австралопитеков и сформировалась потому, что эти животные, чтобы добыть пищу, должны были нести либо камни к трупам умершего или убитого махайродом травоядного, либо труп к тому месту, где можно было найти подходящий камень. А для этого необходимо освободить передние конечности. Кроме того, стоя на двух ногах можно по полету хищных птиц определить местонахождение свежего трупа. Двуногость также увеличивала скорость передвижения этих животных. Таким образом, австралопитеки, в том числе и *Homo Habilis*, никак не могли считаться людьми – они не были *Homo*, они были животными, лишенными разума.

В среднем плейстоцене разразился экологический кризис – вымерли махайроды, и количество мясной пищи резко сократилось. Из многочисленного семейства австралопитековых выжить удалось только одному виду, который приспособился не только к питанию головным и косным мозгом травоядных, но и научился соскребать остатки мяса с костей трупов. А для этого нужны не просто естественные камни, а инструменты с острыми режущими поверхностями. Так предок человека вынужден был заняться изготовлением орудий, но не для охоты, как считает официальная антропология, а для совершенствования своего некрофагического поведения. Именно тогда он столкнулся с некоторыми свойствами огня – искры, возникающие при обработке камней, могли воспламенить сухую травянистую подстилку его логова. Человеческий предок в те далекие времена еще только боролся с огнем, а не использовал его, поскольку не был знаком с его полезными свойствами.

Так появились археоантропы или питекантропы (питекос – обезьяна, антропос – человек), то есть обезьяночеловек, или человекообезьяна, или гомосимиа, почему-то названные *Homo Erectus* (прямоходящими были и австралопитеки). Это были существа, внешне похожие на человека, но психически и по строению головного мозга, который можно реконструировать на основе исследования эндокранов, они были ближе к обезьяне, хотя объем мозга у них был значительно

больше обезьянного (Марков, 2014). Как говорил Э. Геккель – «телом человек, умом обезьяна».

Следующий этап биологической эволюции предков человека связан с очередным пищевым кризисом, приведшим к постепенному вымиранию археоантропов. И опять выжить удалось только одному виду из всего семейства – палеоантропам или неандертальцам. В систематике К. Линнея этот вид обозначен как троглодиты. Важной приспособительной особенностью этих животных, открывающей доступ к мясной пище, стал генетически закрепившийся инстинкт никого не убивать – не только умирающие, но и живые здоровые животные не боялись палеоантропов. В дальнейшем эта поведенческая особенность позволила им выработать и наследственно закрепить принципиально новые способы влияния на поведение не только млекопитающих, но и птиц. Этот нейрофизиологический механизм Б.Ф. Поршнев назвал интердикцией. В его основе лежит возможность слияния неадекватного и раздражительного рефлексов, которое способно затормозить активное первосигнальное поведение и привести к состоянию, которое Н.Е. Введенский называл парабиозом, а Б.Ф. Поршнев дипластией (Поршнев, 2007). В процессе дальнейшего совершенствования нейрофизиологический механизм дипластии развился в суггестию – возможность изменять поведение других животных с помощью специальных воздействий. Такая поведенческая форма уже не укладывается в рамки закона биологической эволюции, поскольку суггестия не приносит индивидуальной пользы организму – пользу от такого измененного поведения извлекает совсем другой организм. На этом биологическая эволюция в процессе формирования человека сворачивает свою роль, и в действие вступает иной закон – антропогенез, отличающийся, во-первых, фантастической скоростью, а во-вторых, характеризующийся быстрыми нейронными и, особенно, психологическими изменениями при практически неизменной телесной организации. Филогенез человека теряет черты исключительно биологического процесса, основными механизмами которого были внутривидовая борьба за существование и естественный отбор, и становится социальным, где на первое место выходят

межиндивидуальное взаимодействие и бессознательный искусственный отбор.

Очередной экологический кризис, который наступил в позднем плейстоцене, еще более сократил количество доступной мясной пищи, и палеоантропы, к тому времени представляющие целое семейство видов, были обречены на вымирание, несмотря на очень тонкое и изощренное приспособление этих существ к сложившимся экологическим условиям. И вот наступил момент, когда эволюция предков человека (а это был еще биологический процесс, описанный Ч. Дарвиным) по всем признакам должна была трагически завершиться. Но природа нашла узкую щель в экологических условиях существования палеоантропов: инстинкт «не убий» запрещал убивать представителей других видов, но он не накладывал ограничений на убийство и поедание себе подобных. Так началась самая страшная эпоха в эволюции человеческих предков – адельфофагия, т.е. каннибализм. Вид палеоантропов стал расщепляться на два: одна часть популяции использовала другую в качестве самовоспроизводящейся кормовой базы. Этот феномен известен у некоторых видов животных, но у человеческих предков он уникален тем, что стал основным способом питания и выживания; у всех других животных видов адельфофагия носит эпизодический характер. Отголоски этого этапа становления человека современного типа до сих пор можно обнаружить в некоторых африканских племенах, где практикуется каннибализм, а также в патологических случаях, которые, по-видимому, представляют собой различные варианты атавизма – частичного возврата к предковым формам поведения. Кроме того, у многих этносов принесение человеческих жертв некогда совсем не фантастическому, а реальному чудовищу – пожирателю юношей и девушек – пережиточно сохранилось в многообразных вариантах обряда инициации.

Человеческие жертвоприношения известны не только у первобытных народов, но у этносов, достигших известного уровня цивилизации. Эти ритуальные умерщвления являются лишь символическим следом того, что было распространённым фактом в конце среднего и начале верхнего плейстоцена, в напряженном времени

начавшейся дивергенции двух биологических семейств – троглодитид и гоминид.

В.Я. Пропп (Пропп, 1986) убедительно показал, что весь сказочно-мифологический фольклор представляет собой позднее преобразование и переосмысление человеческих жертвоприношений.

Использование части популяции палеоантропов как кормовой питательной базы стало возможным благодаря высокой способности некоторых из них осуществлять внешнее воздействие на поведение других существ. Эта способность к интердикции и суггестии была перенесена на членов собственной популяции, поэтому дивергенция палеоантропов основывалась, с одной стороны, на возможности одних осуществлять суггестию, а с другой – податливости остальных на интердикцию. А такая податливость была наиболее характерна для так называемых «большелобых», которые отличались чрезмерным развитием лобных долей мозга и отсутствием волос на теле. Таким образом, ископаемый неантроп или кроманьонец – результат бессознательного искусственного отбора, осуществленного палеоантропами с целью создания самовоспроизводящейся кормовой базы для себя. Это уже не биологическая эволюция, поскольку отбор не является естественным, а антропогенез, фантастическая скорость которого по сравнению дарвиновской эволюцией поражает воображение. Вот таким образом человеческий предок был вытолкнут из биологической среды обитания в социальную.

Телесная организация кроманьонца в процессе антропогенеза не претерпела практически никаких изменений по сравнению с современным человеком, в то время как его психические способности изменились кардинальнейшим образом. Некоторые палеоантропологи полагают, что если бы была возможность найти кроманьонца, помыть его, причесать, одеть как европейца и посадить за стол, то внешне отличить его от современного человека было бы невозможно. Но психологические различия между ними огромны. И, прежде всего, эти различия определяются их мотивацией – генетически закрепленными побуждениями.

Дивергенция палеоантропов завершилась формированием двух

человеческих видов – хищного и нехищного. Более жизнеспособным оказался нехищный вид – у него было гораздо больше нейрофизиологических и психологических преимуществ, которые позволили ему выработать принципиально новый способ регуляции поведения – вторую сигнальную систему. Однако вымершие палеоантропы, от которых отпочковался новый нехищный вид ископаемых неантропов – кроманьонцев, все же оставили в нем свой генетический след, который впоследствии послужил основанием для формирования в человеческой популяции нескольких видов. Этому благоприятствовал своеобразный этап антропогенеза, получивший название промискуитета – процессу формирования и складывания родоплеменных отношений, оформлению института семьи предшествовал период беспорядочных половых связей по принципу «свободно тасующейся колоды карт». По-видимому, представители нового нехищного вида – кроманьонцы – всячески стремились как можно дальше уйти от своих хищных родственников, использующих их в качестве постоянного кормового источника, и началось первое «великое переселение» – в течение очень короткого по эволюционным меркам времени ископаемые неантропы заселили все пригодные для жизни земли. Палеоантропы, естественно, шли за ними, поскольку главным источником их питания была часть приплода ископаемых неантропов. Процесс переселения происходил весьма быстро, мужская часть популяции как более мобильная опережала самок с детьми и часто к ним уже не возвращалась, прибываясь к другим самкам. Происходило постоянное перемешивание всей популяции, что и привело к тому, что в геномном кроманьонцев оказались гены палеоантропов. Этот период в процессе формирования родовых и семейных отношений в человеческом обществе и называется промискуитетом. Впоследствии, когда вид палеоантропов уже исчез с лица Земли, его генетический след все же остался в геномном *Homo Sapiens*.

Самая первая диплация ископаемого неантропа – это страх быть съеденным своим же собственным собратом. Но если для любого животного, обладающего лишь первой сигнальной системой, такая противоречивая ситуация вызовет невроз (в реальности такой невроз у

животного можно сконструировать лишь в эксперименте), то современный человек научился постоянно жить в таких условиях. Более того, в процессе антропогенеза он выработал эффективные контрсуггестивные способы компенсации дипластии.

Отсюда следует важнейший вывод: человеком обезьяну сделал не труд, поскольку труд уже сам по себе подразумевает наличие разума, а страх быть съеденным собственным же собратом. Это противоречие, «сшибка» двух противоположных по своей направленности инстинктов, этот абсурд как бы заставил ископаемого человека в первый раз взглянуть на себя со стороны, благо к тому времени у него были все необходимые для этого нейрофизиологические и психологические предпосылки: мощное развитие лобных долей мозга и появление зачатков второй сигнальной системы. Все дальнейшее развитие второй сигнальной системы и речи представляет собой попытки разрешить это глобальное, в принципе неразрешимое в рамках первой сигнальной системы, противоречие. Б.Ф. Поршнев обозначил этот процесс как «деабсурдизация абсурда» (Поршнев, 2007).

Таким образом, главным отличием человека от любого даже самого высшего животного является наличие у него второй сигнальной системы в виде сформировавшейся в процессе антропогенеза знаковой речи. Но речь – не довесок к первой сигнальной системе, к безусловным и условным рефлексам, а принципиально новый способ регуляции поведения, появляющийся только у кроманьонца. Самая первая функция речи – не продолжение и развитие возможностей рефлекторного поведения, а запретительная по отношению к действию первосигнальных раздражителей. Действительно, зачем второй сигнальной системе способствовать и помогать тому, что и без нее обязательно случится. Первая функция речи, таким образом, коммуникативная, а точнее – суггестивная: сначала суггестия осуществлялась другим индивидом, а позже у человека появилась способность к аутосуггестии – индивид становится способным самостоятельно осуществлять поведение, противоречащее первосигнальным побуждениям. Это – произвольное поведение, подразумевающее некоторое насилие над собой: не хочется, но надо.

Вторая важнейшая функции речи – информационная – появилась тогда, когда у человека сложилась система значений, а речь стала еще и инструментом мышления.

Поскольку человеческая речь сформировалась как способ отмены, запрета функционирования первой сигнальной системы – это и есть главный определяющий признак ее отличия от социальных сигналов, используемых животными. У последних есть довольно развитые системы коммуникации, но нет речи, поскольку в речи для всякого обозначаемого явления – денотата – существует «не менее двух нетождественных, но свободно заменяемых, то есть эквивалентных, знаков или сколь угодно больших систем знаков того или иного рода; их инвариант называется значением, их взаимная замена – объяснением, интерпретацией» (Поршнев, 2007, с. 57). Эта синонимичность и делает их собственно знаками. Обратная сторона этого феномена – наличие в человеческой речи для любого знака несовместимого с ним – называется антонимией. Без синонимии и антонимии нет ни объяснения, ни понимания.

Таким образом, вторая сигнальная система представляет собой инструмент, позволяющий ограничивать, запрещать функционирование первой, это – не дополнение к последней, а принципиально новый способ регуляции поведения, характерный только для человека. Отсюда происходит и двойственность человеческой мотивации. У животных все побуждения имеют первосигнальную природу; у человека имеется механизм, способный запрещать естественные побуждения и замещать их второсигнальными. Это и создает специфические сложности при анализе человеческой мотивации: у каждого человека всегда есть два мотива – настоящий и который «красиво звучит». Первый – неосознанный, первосигнальный, второй – осознаваемый, второсигнальный. Побуждение первого рода – истинная причина поведения, мотив второго рода – попытка оправдания человеком своего поступка с помощью речи. В реальном поведении они почти никогда не совпадают. Публичные высказывания всегда детерминированы мотивами второго рода, а своих истинных побуждений большинство индивидов даже не осознает и может только предполагать их. В

социальной психологии такие предположения определяются как самоатрибуции.

Но и естественная первосигнальная мотивация у человеческих индивидов неодинакова. Человечество «представляет собой парадоксальное общежитие существ, несовместимо разных, от рождения наделенных диаметрально противоположными психогенетическими мотивационными комплексами: стадным (подавляющее большинство) и хищным». Homo Sapiens в своем становлении прошел страшную стадию адельфофагии, и человеческая история началась с людоедства, с хищности, направленной на представителей своего же вида. А создал человека с его второй сигнальной системой «вовсе не труд и не естественный отбор, а смертельный страх перед своим ближним» (Б. Диденко, 1997, с. 3).

В процессе антропогенеза сформировалось два хищных вида: суперанималы (сверхживотные, неотроглодиты, обладающие второй сигнальной системой) – потомки первоубийц-адельфофагов и суггесторы – агрессивные приспособленцы, подражатели и приспешники суперанималов, обладающие высокой способностью к внушению и манипулированию другими, прежде всего диффузными, т.е. стадными индивидами. Второй вид сформировался уже после разделения на хищных и нехищных. Суггесторы появились как посредники при передаче жертвоприношений и составили специфическую касту вождей, жрецов, шаманов и т.п., оставляющих часть жертвуемых продуктов для себя. Их главной психологической особенностью стала хорошо развитая способность к манипулированию и суггестии.

Хищные виды пошли по пути наименьшего сопротивления, очень хорошо «обкатанному» природой. Для двух нехищных человеческих видов характерно врожденное неприятие насилия: диффузный вид – человеческие индивиды, легко поддающиеся внушению («большелобые», податливые на интердикцию и суггестию) и современные неоантропы, обладающие обостренной нравственностью и, в то же время, способностью к критическому мышлению. Последние представляют новый человеческий вид, который появился сравнительно недавно, отпочковавшись от диффузного в период с 800 по 200 год до

н.э. К. Ясперс назвал этот период в истории человечества «осевым временем». Именно в «осевое время» впервые появились этически зрелые человеческие индивиды, способные критически мыслить, то есть нравственные люди, обладающие третьей сигнальной системой. Если речь дает человеку возможность ограничивать и запрещать функционирование первой сигнальной системы, то третья сигнальная система становится способной контролировать вторую с позиции нравственных категорий.

Существование различных врожденных пружин человеческой мотивации: «злобность», «эгоизм» и «сострадание» отмечал А. Шопенгауэр; эти качества четко соответствуют жизненным ориентациям суперанималов, суггесторов и нехищных индивидов. Русский ученый – педагог, анатом, врач – П.Ф. Лесгафт на основе своих многолетних наблюдений над детьми-школьниками выделил так называемые «школьные типы»: «честолюбивый», «лицемерный» и «добродушный». У первых двух отсутствуют моральные устои. Став взрослыми, они не добавляют себе нравственных качеств. «Утром, убив своих родителей, они заснут вечером сном праведника» – так характеризовал их П.Ф. Лесгафт (Лесгафт, 1971). При негативном воспитании эти три основных личностных типа развиваются в «злостно-забитый», «мягко-забитый» и «угнетенный». Из них лишь последний обладает нравственностью (может даже – обостренной, что свойственно современным неантропам). Интеллектуальные способности, эмоции, воля, темперамент, полагает П.Ф. Лесгафт – это производные качества. В настоящее время гуманистически ориентированные ученые считают, что нравственность и есть главное отличие человека от животного – и с этим трудно не согласиться.

Внешне представители четырех человеческих видов очень похожи – популяционная генетика трактует это явление как существование видов-двойников. Главное же различие между ними – мотивационное, различие в истинных генетически закрепленных побуждениях к определенным формам поведения. Хищная мотивация – причина безудержного стремления к власти, к подавлению и доминированию, получению личной выгоды, к совершению

преступлений. Суперанималы – неотроглодиты, потомки адельфофагов-каннибалов – и суггесторы-манипуляторы различаются лишь способами реализации своих хищных побуждений: для первых характерны физическая агрессия и насилие, для вторых – эгоизм и циничность, склонность к ненасильственным преступлениям, в частности к коррупции.

В рассматриваемом контексте вид понимается классически – это биологическое понятие, которое можно определить как совокупность особей, способных давать здоровое репродуктивное потомство. Многочисленные клинические наблюдения и жизненные факты свидетельствуют, что гибриды хищных и нехищных видов во 2-3 поколениях становятся бесплодными, хотя в первом возможен феномен гетерозиса – повышенной жизнеспособности и активности. Л.Н. Гумилев описывал его как пассионарность, а О.Б. Морель, Ч. Ломброзо, М. Нордау, С. Сигеле и др. с позиции теории дегенерации рассматривали эти процессы как вырождение.

Вторая сигнальная система позволяет хищным человеческим видам скрывать свои истинные побуждения, но, тем не менее, соответственно именно этим особенностям мотивации выстраивается система доминирования и иерархии во всех человеческих сообществах. В настоящее время предельно жестокие, основанные на физическом насилии властные режимы суперанималов – деспотии, тирании – уже почти полностью ушли в прошлое и остались лишь в «неофициальном» криминальном подполье. Властные структуры сейчас стали вотчиной суггесторов-манипуляторов; в частности именно они являются настоящей антропо-психологической причиной коррупции, которая становится в современном обществе проблемой № 1. Поэтому бесполезно бороться с коррупцией как общественным феноменом, в этой борьбе необходимо сосредоточиться на индивидах, склонных к ней. В первую очередь нужно научиться четко определять тех, у кого такие формы поведения являются врожденными, то есть представителей хищного вида суперанималов и суггесторов. Конечно, никакая антикоррупционная психотерапия в этих случаях не поможет, но коррупционное поведение может быть также результатом социального

научения нехищных диффузных индивидов в силу их очень высокой внушаемости (Морогин, 2015). В такой ситуации эффективными будут специально разработанные психотерапевтические и психопрофилактические технологии, направленные на разрушение и психопрофилактику коррупционных копингов.

Конечно, история становления человека современного типа – это всегда интеллектуальная гипотетическая реконструкция, поскольку в распоряжении исследователей пока нет машины времени, которая позволила бы вернуться в далекое человеческое прошлое и посмотреть, как все было на самом деле. Тем не менее, палеопсихологическая теория антропогенеза, основы которой заложены в трудах Б.Ф. Поршнева – единственная, которая не требует для своего объяснения привлечения креационистских моделей. Все иные теории происхождения человека так или иначе апеллируют к акту творения.

Тахистоскопические методы ценностно-потребностной антропо-психологической диагностики современных человеческих видов

Проблема бессознательной мотивации поведения человека является центральной в теории ценностно-потребностной сферы личности, которая рассматривает как истинные побуждения бессознательные мотивационные интенции.

Ценностно-потребностная сфера – одна из подсистем личности (кроме нее еще есть аффективная, когнитивная и формально-динамическая), содержанием которой являются побудительные силы, обеспечивающие любые формы поведения. Ценности рассматриваются как формы, лишённые содержания, это только названия. Каждый индивид наполняет их своими потребностями, поэтому названия ценностей одни и те же, а их содержание у каждого человека разное. Структура ценностно-потребностной сферы личности у всех людей одна и та же, но содержание, которым она наполнена, определяется индивидуальным набором потребностей, который у каждого уникален.

Ценностно-потребностная сфера представлена двумя подструктурами – общественной и родовой. Общественная подструктура

ценностно-потребностной сферы – набор универсальных форм, которые наполняются потребностным содержанием аттитюдов (стереотипов социального поведения), формирующихся в процессе социализации под влиянием различных общественных институтов: образовательные и воспитательные учреждения, СМИ, политика, реклама, ТВ, Интернет и т.п. Родовая подструктура ценностно-потребностной сферы – ценностные формы, содержанием которых являются родовые потребности. Потребности общественной подструктуры ЦПСЛ – продукт онтогенеза, родовые потребности – результат антропогенеза. Общественная потребность может стать родовой и закрепиться на генетическом уровне, если в течение, как минимум, 50 поколений будет постоянно формироваться родителями у своих детей. Но и в этом случае наследуется только форма – конкретное ее содержание индивидуально. Потребности, сформированные в онтогенезе одного поколения, наследственно не закрепляются.

В психологической литературе «потребность» и «ценность» нередко смешиваются, что ведет к неправильной трактовке того содержания, которое обозначается этими терминами. При их внешнем сходстве, потребность и ценность – разные понятия, и между ними есть существенные принципиальные различия:

1. Ценность только указывает на возможную неосознаваемую потребность и всегда выражена в слове, которое не принадлежит отдельному субъекту, а является достоянием всех людей; поэтому словом можно выразить только ценность, но не потребность. Иными словами, потребность имеет первосигнальную природу, ценность – второсигнальную.
2. Потребность всегда индивидуальна и конкретна, ценность же общественна по своей природе и представляет собой обобщенное понятие.
3. Потребность никогда не оценивается, ценность же всегда подвергается социальной оценке.
4. Потребность – причина любого поведения, ценность служит его оправданию, поэтому причина поступка должна

анализироваться в терминах потребности, а его атрибуция – с точки зрения его социальной ценности.

5. Хотя причинами поступков человека являются потребности, как только потребность обозначается словом, она подводится под ближайшую социальную категорию и заменяется наиболее подходящей для личности ценностью.

Из этих положений с очевидностью следует, что в психологическом эксперименте непосредственное изучение потребностей невозможно, они доступны лишь косвенному исследованию – через ценности. Примерно так же опосредованно Г. Фехнер измерял интенсивность ощущений силой воздействующего на орган чувств раздражителя.

В основу ценностно-потребностной диагностики положен принцип тахистоскопической (субсенсорной по времени) экспозиции. Он базируется на экспериментальных фактах, свидетельствующих о том, что для одновременного или последовательного восприятия нескольких стимулов требуется определенное время. Экспозиция порядка нескольких мсек не позволит человеку сознательно зафиксировать все предъявленные объекты, но что-то он все-таки опознает. Что же? Скорее всего, те стимулы, которые связаны с жизненно важными потребностями, уже зафиксированными в его родовом генотипе. Такой методический подход дает возможность компенсировать главный недостаток всех «сознательных» приемов, используемых для исследования бессознательных психических феноменов. Кроме того, он позволяет разработать систему объективной количественной оценки бессознательных побуждений.

Тахистоскопический метод опирается на общепсихологический закон об ограниченности объема восприятия. Зрительная система человека устроена так, что в сенсорной памяти запечатлевается очень большое количество стимулов, в то время как в кратковременное хранилище поступает не вся информация, а только небольшая ее часть. Одновременно в сознании можно зафиксировать от 5 до 9 объектов (7 ± 2 – число Миллера). Согласно исследованиям когнитивных психологов, для того чтобы осознать и перевести в кратковременную память

информацию из сенсорного регистра, необходимо по крайней мере 0,5 сек.

Исследования объема восприятия показали, что вероятность перцепции различных стимулов неодинакова. Быстрее и точнее осознаются личностно значимые объекты, события и факты. Поэтому если предъявлять несколько стимулов на очень короткое время (порядка нескольких мсек.), то с наибольшей вероятностью опознан будет тот, который наиболее важен для субъекта.

Почему же этот стимул опознается даже при таком коротком времени экспозиции? Зрительное восприятие человека происходит не постоянно, а скачками, обусловленными саккадическими движениями глаз. Каждая саккада длится 0,4-0,6 сек. Но несколько мсек – слишком мало даже для одной саккады. И, тем не менее, человек в этих условиях успевает опознать наиболее значимую для него информацию.

Дж. Кеттелл еще в конце XIX столетия проводил тахистоскопические эксперименты, в которых на 0,1 сек. предъявлял буквы и слова. Способность его испытуемых к воспроизведению экспериментального материала зависела не столько от количества воспринятых букв, сколько от степени приближения их к значимой для субъекта последовательности. В 1932 году сэр Фредерик Бартлетт в своей знаменитой монографии «Запоминание: экспериментальное социально-психологическое исследование» (Bartlett, 1932) отметил, что в первую очередь шанс запомниться имеется у субъективно значимой информации. Тогда же он высказал мысль о том, что человек способен запомнить больше информации, чем может воспроизвести. Это связано с тем, что в кратковременной памяти воспринятые стимулы переводятся в пропозиции, то есть в вербально-языковую форму. Оттуда, согласно парадигме Брауна-Петерсона, информация может быть переведена в долговременную память в том случае, если будет повторяться. Чем больше повторений стимула произойдет в кратковременной памяти, тем с большей вероятностью он попадет в долговременное хранилище. При этом в процессе обработки в кратковременной памяти происходит значительная потеря информации, так как она транслируется в абстрактную, обобщенную, то есть пропозициональную форму.

Дж. Сперлинг (Солсо, 2006) развил гипотезу Ф. Бартлетта о том, что человек запоминает больше информации, чем может воспроизвести и убедительно доказал это в своих знаменитых тахистоскопических экспериментах. Но его метод «частичного воспроизведения» был основан на предположении о том, что любой элемент информации может быть воспроизведен с одинаковой вероятностью. Это допущение может быть справедливым только в том случае, когда экспериментальный материал индифферентен для субъекта. Как достичь этого – уже другой вопрос. Г. Эббингауз с этой целью придумал бессмысленные слоги, но даже такой материал его испытуемые умудрялись связывать и лично оценивать. Прав, однако, все-таки оказался Ф. Бартлетт: не все стимулы могут быть воспроизведены с одинаковой вероятностью – у лично значимой информации эта вероятность выше. Поэтому при тахистоскопическом предъявлении с минимальным временем экспозиции в первую очередь будут опознаны те стимулы, которые связаны с жизненно важными потребностями личности.

Эти методологические положения и экспериментально полученные факты послужили основой для создания двух экспериментально-психологических методик: «АП-тахистоскоп» и «АП-калейдоскоп». Принципиальное различие между ними том, что в первом случае тестовые слова, обозначающие человеческие ценности, предъявляются симультанно (одновременно все), а во втором – сукцессивно (последовательно). Время предъявления каждого тестового стимула должно быть очень коротким и равным индивидуальному временному порогу тахистоскопической экспозиции. Другими словами, продолжительность экспозиции тахистоскопически предъявляемых стимулов – это такой временной интервал, в течение которого субъект способен бессознательно опознать (но не воспринять) минимальное количество стимулов; в то же время этот промежуток не должен быть слишком коротким, таким, что становится невозможным любое опознание. Это и есть индивидуальный порог тахистоскопической экспозиции. Величина его в человеческой популяции очень сильно варьирует и зависит от многих физиологических, психологических и даже

социальных факторов, поэтому порог тахистоскопической экспозиции для каждого субъекта, проходящего исследование с помощью тахистоскопических методик, должен измеряться индивидуально.

Эмпирические исследования выявили существование восьми универсальных ценностных блоков, обнаруживающихся в любом языке и зафиксированных в нем с помощью слов. Нет оснований рассматривать эти ценностные зоны как иерархически организованные, потому что реализация индивидуальности человека может осуществляться в любой из них. Технически процедура выявления ценностных блоков осуществлялась как группировка слов, обозначающих человеческие потребности, и проводилась в несколько этапов:

1. Сначала был составлен список всех потребностей, которые имеют ценностные обозначения в русском языке. С этой целью из Толкового словаря С.И. Ожегова (Ожегов, Шведова, 2006) были отобраны все слова-существительные, выражающие человеческие потребности.

2. После этого с помощью специальных словарей был проведен частотно-синонимический анализ этого массива с целью исключения одинаковых по содержанию слов – из синонимического ряда, состоящего иногда из нескольких десятков слов, с помощью частотного словаря (Частотный словарь русского языка, 1977) выбиралось то, которое чаще всего употребляется в устной и письменной речи.

3. Затем отобранные слова были разбиты на 12 групп, исходя из длины слова: состоящие из 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 14 букв. В Толковом словаре С.И. Ожегова встречались и более длинные слова, обозначающие потребности (15- и 16-буквенные), но их оказалось недостаточно для группировки, осуществляемой на следующем этапе семью экспертами, в роли которых выступили опытные психологи и педагоги.

4. Задача, которая ставилась перед ними, состояла в том, чтобы сгруппировать в классы слова разной длины: отдельно 3-буквенные, отдельно 4-буквенные и т.д. При этом ничего не говорилось ни о количестве выделяемых классов, ни о критериях, на

основе которых следует осуществлять группировку – эксперты делали это спонтанно.

Этот этап проективной экспертизы принес неожиданные, в какой-то степени шокирующие результаты: все без исключения эксперты распределили представленные для группировки слова различной длины в одинаковое число групп (8), причем содержательно эти группы у разных экспертов оказались практически идентичными. Создавалось впечатление, что экспертам был заранее известен принцип классификации, хотя инструкция не содержала никаких намеков на то, каким образом осуществлять группировку; эксперты проводили ее исключительно спонтанно (Морогин, 2009).

Таким образом, оказалось, что слова-ценности различной длины (а длина слова – независимый фактор классификации) «укладываются» в одинаковое число одинаковых по содержанию классов, которые и были обозначены как зоны ценностно-потребностной сферы. По-видимому, эти зоны представляют собой так называемые «общечеловеческие ценности», изучением которых занимались Шварц, Билски, Клакхон и др. Эти исследователи утверждают, что таких ценностей немного, и даже называют приблизительное их число – 7-12. В христианстве таких ценностей, как известно, 10. В данном исследовании эмпирически определено восемь ценностных зон.

Но, если проанализировать результаты работы экспертов с позиции теории ценностно-потребностной сферы личности, то полученные данные легко интерпретируются. Восемь групп – это восемь родовых архетипических форм, которые генетически закреплены в коллективном бессознательном каждого человека, но наполнены уникальным потребностным содержанием. Из этого факта логически выводится очень важное следствие: слова как элементы языка и речи отражают структуру человеческих потребностей и являются производными от них, но никак не наоборот. По-видимому, постановка вопроса о том, что было вначале – «слово» или «дело» – некорректна, потому что вначале было не «слово» и не «дело», а «желание».

Это положение подтверждает важный постулат, выдвинутый еще в начале XX века в работах Вундта, Лазаруса, Штейнталя,

Дюркгейма, Тарда, Лебона и развитый современными социальными психологами Х. Ортега-и-Гассетом и С. Московичи (Вундт, 1992; Лебон, 1995; Московичи, 1998; Ортега-и-Гассет, 1998). Эти исследователи считали, что «общественное сознание» (в смысле – бессознательное «общественное сознание») возникло гораздо раньше индивидуального и что сознание отдельного человека выделилось из коллективного с исторической точки зрения недавно. Это предположение было блестяще обосновано во второй половине XX столетия Б.Ф. Поршневым (Поршнев, 2007).

По-видимому, восемь полученных на основе проективных экспертных оценок ценностных групп представляют собой восемь глобальных архетипических форм, структурирующих индивидуальное содержание коллективного бессознательного любого человека. Вот почему эксперты неосознанно и спонтанно классифицировали ценности на основе именно этого критерия.

Итак, каждый из восьми эмпирически выделенных классов ценностей представляет самостоятельную зону ценностно-потребностной сферы личности любого человека и определяет одну из восьми возможных мотивационных тенденций. Их можно представить в виде непрерывного континуума, крайними полюсами которого являются ценности и их антиценности.

Поэтому дополнительно был проведен психосемантический антонимический анализ полученного после «частотно-синонимической чистки» массива: с помощью словаря антонимов к отобраным словам подбирались противоположные по своему значению (антонимы), позволяющие четко отнести представленные ими ценности к хищной или нехищной ориентации, например, добро-зло; любовь-ненависть. Слова, к которым не удавалось подобрать «хороший» антоним, исключались из дальнейшего рассмотрения.

Конкретное содержание восьми эмпирически выделенных ценностных зон индивидуально; они могут быть наполнены разными потребностями, определяющими ценностную ориентацию в каждой из зон ЦПСЛ. Ценностно-потребностный профиль всех восьми ценностных континуумов будет характеризовать ценностную ориентацию (хищную

или нехищную) субъекта.

Какие это зоны? Экспертиза проводилась в отношении ценностей, зафиксированных в русском языке, поэтому предлагаемые обозначения пока не могут соотноситься с иными этническими архетипами. Тем не менее, поскольку слова любого языка отражают структуру человеческих потребностей и являются производными от них, эти ценностно-потребностные зоны должны быть одинаковыми для всех Homo Sapiens.

Гедонистическая (гедонизм-аскетизм) зона, содержанием которой являются потребности, реализующие принцип удовольствия.

Зона безопасности (тревожность-спокойствие), которая представлена потребностями, отражающими субъективную необходимость защиты от различных неблагоприятных воздействий.

Эго-зона (эгоизм-альтруизм), наполняемая потребностями, определяющими индивидуальные стремления и амбиции личности.

Экзистенциальная, общественно-политическая (лояльность-экстремизм) зона, включающая в себя потребности, детерминирующие общественное и политическое поведение и отражающие отношение личности к власти и государству.

Аффилиативная (филантропия-мизантропия) зона, аккумулирующая потребности в межличностных взаимодействиях, обусловленных стремлением (или избеганием) быть среди других.

Когнитивная, интеллектуальная (посредственность-талантливость) зона, наполненная интеллектуальными и познавательными потребностями, отражающими стремление к самостоятельной активной умственной деятельности (уровень критического разума).

Ритуальная (стадность-автономность) зона, в которой сосредоточены потребности в соблюдении формальных ритуалов, регламентирующих конформное поведение человека.

Трансцендентальная, духовная (подражание-креативность) зона, содержанием которой являются потребности роста, ориентирующие личность на творческое и духовное самосовершенствование.

Эти зоны ценностно-потребностной сферы личности представляют структуру общественных ценностей (потому что выражены средствами языка как общественного продукта) и, одновременно, родовых архетипов (потому что все восемь классов ценностей выделены экспертами спонтанно). Полное совпадение потребностного содержания общественных и родовых ценностей – идеальный вариант, к которому должно стремиться любое общество. Но в реальной жизни всегда есть определенное рассогласование между общественными потребностями, которые государство транслирует гражданам в виде юридических и морально-этических нормативов, облеченных в форму государственных и нравственных законов, через социальные институты власти, политику, СМИ и рекламу, и содержанием родовых архетипов, генетически передаваемых из поколения в поколение от предков к потомкам (Морогин, 2009; 2011). В полиэтничном государстве привести систему общественных потребностей в полное соответствие с содержанием родовых архетипических форм гораздо труднее, если вообще возможно.

Параллельно с процедурой выявления базовых ценностей, фиксированных в русском языке, была проделана аналогичная работа со словарями хакасского языка. Методологической базой этого исследования выступили гипотеза лингвистической (со)относительности языковых структур Сепира-Уорфа, теория порождающих (универсальных) грамматик Н. Хомского и теория ценностно-потребностной сферы личности В.Г. Морогина.

Б. Уорф, Э. Сепир и Л. Леви-Брюль представляют одно из самых интересных теоретических направлений, ориентированных на этнопсихологические исследования – так называемый культурный релятивизм. Основная идея этой методологии в том, что понимание сходств и различий между этническими культурами возможно через изучение и сравнительный анализ их языков. В частности гипотеза, выдвинутая Э. Сепиром и Б. Уорфом, предполагает различия в содержании языков и подчеркивает сходство их структур. Язык как бы навязывает человеку нормы познания, мышления и социального поведения – индивид может познать, понять и совершить только то, что

заложено в языке. Но, несмотря на различия в содержании языков, имеет место сходство их структур, поскольку способы познания, мышления и поведения сходны у различных этносов.

Это сходство языковых структур отмечает и американский психолингвист Ноам Хомский, автор теории порождающей (генеративной) грамматики. Основная мысль этой концепции – врожденность человеческой способности к усвоению языка. Н. Хомский считает, что языковая грамматика универсальна и дана человеку, как и законы природы, в готовом виде.

Таким образом, теория порождающих (универсальных) грамматик Н. Хомского и гипотеза лингвистической (со)относительности Сепира-Уорфа не противоречат, а наоборот очень хорошо дополняют друг друга, потому что из синтеза этих идей выстраивается вполне логичная концепция. Структура языка едина для всех этносов, поскольку родовая подструктура их ценностно-потребностной сферы формируется до появления речи и передает ей свои структурные особенности; содержательная же составляющая языковых систем зависит от конкретных культурных особенностей этноса, проявляющихся, как показал Л. Вайсгербер, в разнообразии языковой картины мира.

На основе теоретического анализа концепции порождающих (универсальных) грамматик Н. Хомского и гипотезы лингвистической (со)относительности языковых структур Сепира-Уорфа, а также результатов проведенных исследований ценностно-потребностной сферы была сформулирована теоретическая концепция этнической идентификации и этнической идентичности, согласно которой:

- родовая подструктура ценностно-потребностной сферы опирается на общую систему архетипов, поэтому она имеет одинаковое строение у различных этносов;
- отражением родовой подструктуры ценностно-потребностной сферы является структура языка, сходная у различных этнических групп;
- поскольку потребности, наполняющие родовую ценностную подструктуру, формируются в процессе исторического

становления этноса, содержание любого языка имеет свои особенности.

Таким образом, этнические ценности можно исследовать исходя из предположения о том, что родовая подструктура ценностно-потребностной сферы представляет собой общую систему архетипов, следовательно, она имеет одинаковое строение у разных этносов. Структура языка является отражением родовой подструктуры ценностно-потребностной сферы, поэтому она сходна у различных этнических групп. Способность к усвоению языка дана человеку с рождения, поскольку опирается на врожденную универсальную структуру – «порождающую грамматику». Но потребности, наполняющие родовую ценностную подструктуру, этноспецифичны, поэтому содержание языка у каждой этнической группы различно.

Структура ценностей, нашедшая отражение в русском и хакасском языках, идентична, она отражает логику развития всех человеческих цивилизаций и является врожденной. Есть ограниченное число родовых архетипических форм, которые хранятся в коллективном бессознательном любого человека, но наполняются уникальным потребностным содержанием каждого индивида. Эти глобальные ценностные матрицы в неизменном виде передаются от родителей детям и представляют собой бессознательные архетипы, которые придают универсальную форму индивидуальным потребностям человека.

Этническая часть содержания ценностных форм, зафиксированных в русском и хакасском языках, различна, поскольку обусловлена специфическими условиями формирования этносов. Это содержание представляет собой систему исторически сложившихся этноспецифических потребностей, носителем которых является каждый представитель этноса.

Воздействие институтов социального влияния в современном обществе в одинаковой степени распространяется на все этнические формирования, входящие в состав нации, поэтому различия в содержании ценностно-потребностной сферы русского и хакасского этносов в большей степени касаются ее родовой подструктуры и в

меньшей – общественной.

Но, помимо обоснования сходности ценностно-потребностных структур различных социальных и этнических групп, в психологическом исследовании важно найти объективный способ фиксации структуры общественных и родовых ценностей для того, чтобы получить возможность сопоставить их друг с другом и выявить специфические особенности их содержания.

Степень соответствия потребностного содержания отдельной личности формальной подструктуре общественных ценностей отражает направление и качество ее идентификации; аналогичное соответствие этого содержания родовой ценностной подструктуре будет определять степень осознания ею своей идентичности (Рис. 1).

Идентификация (аттитуды)							
Социально желательные ценностные ориентации – социализация							
Гедонизм	Тревожность	Эгоизм	Лояльность	Филантропия	Посредственность	Стадность	Подражание
Гед	Без	Эго	Экз	Афф	Ког	Рит	Тра
Потребности							
Гед	Без	Эго	Экз	Афф	Ког	Рит	Тра
Аскетизм	Спокойствие	Альтруизм	Экстремизм	Мизантропия	Талантливость	Автономность	Креативность
Родовые архетипические ценностные ориентации – самоактуализация							
Идентичность (архетипы)							

Рис. 1. Ценностно-потребностная структура идентификации и идентичности

Эмпирически определенные 8 ценностных зон – лишь формы, которые служат вместилищем для родовых, общественных и индивидуальных потребностей. А поскольку каждый человек привносит в эти формы свое уникальное потребностное содержание, на предварительном этапе исследования ценностно-потребностной сферы необходимо «конкретизировать», как обследуемый бессознательно

«интерпретирует» ту или иную «общечеловеческую ценность». Для этого в «Системе ценностно-потребностной тахистоскопической диагностики антропо-психологической идентификации и антропо-психологической идентичности» предусмотрена процедура предварительного бессознательного определения лично значимых ценностей для каждой из 8 зон ценностно-потребностной сферы путем тахистоскопического предъявления заранее подготовленных списков этнически значимых ценностей, выделенных на основе сравнительного эквивалентного анализа словарей русского и хакасского языков.

В таблице 1 представлены результаты этого анализа. Для каждой из 8 ценностно-потребностных зон выделено 8 эквивалентных для русского и хакасского языков ценностей, 4 из которых протогонистичны социальным влияниям, а 4 – антагонистичны, содержание первых 4-х транслируется через институты социального влияния, содержание вторых 4-х познается в ходе индивидуации и реализуется в процессе самоактуализации.

С помощью метода экспертных оценок эти списки были составлены таким образом, что в каждом из 8 ценностных континуумов были представлены 4 хищные ценности и точно соответствующие им нехищные антиценности. Проверка соответствия хищных и нехищных ценностей проводилась с помощью словаря антонимов.

Эти списки используются для определения лично значимых хищных и нехищных ценностей в процессе **экспериментально-психологической** диагностики общественного и родового ценностно-потребностных профилей антропо-психологической идентификации и антропо-психологической идентичности.

Профиль антропо-психологической идентификации отражает общественную подструктуру ценностно-потребностной сферы личности с учетом ценностной ориентации субъекта на хищные или нехищные ценности.

Профиль антропо-психологической идентичности дает возможность количественно оценить ценностную ориентацию на хищные или нехищные ценности родовой подструктуры ЦПСЛ.

Таблица 1. Списки эквивалентных этнически значимых хищно и нехищно ориентированных ценностей

<i>Секс</i>	<i>Страх</i>	<i>Карьера</i>	<i>Традиция</i>	<i>Верность</i>	<i>Невежество</i>	<i>Внушение</i>	<i>Мода</i>
<i>Наслаждение</i>	<i>Болезнь</i>	<i>Слава</i>	<i>Закон</i>	<i>Любовь</i>	<i>Догматизм</i>	<i>Терпение</i>	<i>Религия</i>
<i>Еда</i>	<i>Эмоция</i>	<i>Деньги</i>	<i>Этикет</i>	<i>Уважение</i>	<i>Зависть</i>	<i>Покорность</i>	<i>Реклама</i>
<i>Богатство</i>	<i>Тревога</i>	<i>Престиж</i>	<i>Конформизм</i>	<i>Доверие</i>	<i>Мсть</i>	<i>Подчинение</i>	<i>Вера</i>
<i>Гедонизм</i>	<i>Тревожность</i>	<i>Эгоизм</i>	<i>Лояльность</i>	<i>Филантропия</i>	<i>Посредственность</i>	<i>Стадность</i>	<i>Подражание</i>
Гед	Без	Эго	Экс	Афф	Ког	Рит	Тра
<i>Аскетизм</i>	<i>Спокойствие</i>	<i>Альтруизм</i>	<i>Экстремизм</i>	<i>мизантропия</i>	<i>Талантливость</i>	<i>Автономность</i>	<i>Креативность</i>
<i>Боль</i>	<i>Здоровье</i>	<i>Честь</i>	<i>Борьба</i>	<i>Ненависть</i>	<i>Талант</i>	<i>Независимость</i>	<i>Истина</i>
<i>Голод</i>	<i>Покой</i>	<i>Репутация</i>	<i>Революция</i>	<i>Презрение</i>	<i>Интуиция</i>	<i>Уверенность</i>	<i>Совесть</i>
<i>Бедность</i>	<i>Комфорт</i>	<i>Достоинство</i>	<i>Справедливость</i>	<i>Недоверие</i>	<i>Сомнение</i>	<i>Критичность</i>	<i>Красота</i>
<i>Страдания</i>	<i>Отдых</i>	<i>Благородство</i>	<i>Власть</i>	<i>Сарказм</i>	<i>Творчество</i>	<i>Смелость</i>	<i>Свобода</i>

Профиль антропо-психологической идентификации (общественная подструктура ценностно-потребностной сферы личности) может быть диагностирован с помощью симультанной тахистоскопической техники предъявления лично значимых хищных и нехищных ценностей (тест «АП-тахистоскоп»). В этом варианте тахистоскопического метода все восемь ценностей предъявляются одновременно, поэтому субъект в этой ситуации, скорее всего, опознает самую социально значимую, то есть самую актуальную с общественной точки зрения ценность. В этом тесте отдельные ценности не оказывают никакого влияния друг на друга, потому что вероятность появления каждой из них в определенной точке визуального поля абсолютно одинакова. В результате 64 экспозиций выявляется статистически самый сильный ценностный аттитюд – сформировавшийся под воздействием институтов социального влияния – либо хищный, либо нехищный

стереотип социального поведения, то есть группа потребностей, формой для которых служит наиболее часто актуализируемая ценность. Ведь ценность – это коллективная форма (общественная или родовая), наполненная индивидуальными потребностями личности, форма, одинаковая у всех людей, но содержательно уникальная у каждого человека.

В сукцессивной тахистоскопической процедуре, реализуемой в тесте «АП-калейдоскоп» слова-ценности предъявляются последовательно, и в силу этого каждая ценность оказывает влияние на опознание других. Так как в тахистоскопическом эксперименте нет восприятия из-за слишком короткого времени экспозиции, можно предположить, что должны работать иные, более глубинные механизмы опознания лично значимых хищных и нехищных ценностей. Вероятно, эти ценности-формы уже имеются в архетипическом бессознательном человека, и субъект с большей вероятностью опознает те из них, содержанием которых являются хищные или нехищные потребности, оказывающие наибольшее влияние на остальные ценностные зоны. В коллективном бессознательном в качестве таких ценностных форм выступают родовые архетипы. В сукцессивном эксперименте чаще других будет опознаваться наиболее «влиятельный» из них. В зависимости от того, какие конкретные ценности опознаются испытуемым, будет диагностирован либо хищный, либо нехищный архетип в каждой из 8 зон ЦПСЛ. Таким способом с помощью сукцессивной тахистоскопической техники можно выявить профиль антропо-психологической идентичности (родовая архетипическая подструктура ценностно-потребностной сферы личности).

Косвенным доказательством этой гипотезы может служить феномен, отчетливо проявившийся в сукцессивных тахистоскопических экспериментах. В когнитивной психологии он носит название эффекта края или закона выпадения середины и свидетельствует, что первые и последние элементы сенсорного ряда лучше запоминаются. Но главное в том, что объясняется этот феномен с помощью двух механизмов – про- и ретроактивного торможения. Иными словами, лучше запоминаются те элементы, которые находятся в начале сенсорного ряда и повторяются

большее число раз (согласно парадигме Брауна-Петерсона эта информация имеет больше шансов перейти из сенсорной в кратковременную память), а также последние объекты ряда, в меньшей степени подвергающиеся интерференции со стороны других элементов. Это объяснение удовлетворительно для обычного процесса сознательного запоминания, но оно ничего не объясняет в случае кратковременной тахистоскопической экспозиции. Тем не менее, эффект края в сукцессивных тахистоскопических экспериментах отчетливо проявляется. Следовательно, помимо обычных мнестических процессов, протекающих на уровне сознания, существуют глубинные бессознательные механизмы, и материалом этих процессов служат не внешние раздражители, а содержимое глубинных архетипических структур.

Симультанная и сукцессивная тахистоскопические процедуры реализованы в форме интраиндивидуального многоуровневого эксперимента, в котором в качестве независимой переменной выступает структура ценностно-потребностной сферы личности. Восемь ценностных зон рассматриваются как качественные уровни независимой переменной, а зависимая – оценивается как суммарное число опознаний каждой из восьми личностно значимых ценностей с учетом ориентации на хищные или нехищные ценности.

Основная проблема интраиндивидуального эксперимента – минимизация эффекта последовательности – решена путем позиционного уравнивания уровней независимой переменной по методу сбалансированного латинского квадрата, потому что полное уравнивание привело бы к нереальному количеству экспериментальных проб (Морогин, 2009).

Человек – не только уникальная индивидуальность, но и носитель потребностей, доставшихся ему от его предков, которые должны быть упорядочены универсальными ценностными формами. Другими словами, потребности человека индивидуальны, но, в то же время, специфичны, и эта специфика детерминирована принадлежностью индивида к одному из 4-х человеческих видов: род *Homo Sapiens* представлен двумя хищными (суперанималы и

суггесторы) и двумя нехищными (диффузный – суггеренды и современные неохантропы) видами. Поэтому для того, чтобы иметь полное представление о ценностно-потребностной сфере личности, необходимо исследовать не только индивидуальное содержание ее ценностных зон, но и выделить видовые специфические особенности ценностно-потребностного профиля. У каждого вида свой профиль, который и определяет видовую антропо-психологическую идентификацию и антропо-психологическую идентичность человека. Первая отражается в профиле общественной подструктуры ЦПСЛ, вторая – родовой (Морогин, 2011).

Можно предположить, что различия между хищными и нехищными субъектами должны обнаружиться в родовой подструктуре ЦПСЛ (профиль антропо-психологической идентичности); общественная подструктура (профиль антропо-психологической идентификации), потребностное содержание которой формируется под влиянием сходных социальных воздействий, будет иметь только количественные отличия.

Потомки хищной части человечества (суперанималы и суггесторы) врожденно склонны к агрессии и насилию, и это обязательно должно отразиться в их родовом профиле антропо-психологической идентичности. Потомки троглодитов тяготеют к физическому насилию, суггесторы-манипуляторы – к психологическому.

У нехищных субъектов родовой профиль иного типа: в нем будут преобладать нехищные ценности. Социальное влияние, пропагандирующее хищное поведение и агрессию, и у нехищного диффузного индивида, чрезвычайно податливого на интердикцию и суггестию, способно сформировать агрессивные аттитюды, которые обязательно проявятся, но только в общественном профиле антропо-психологической идентификации. Другими словами, у нехищного индивида может быть сформирована хищная идентификация, но у него в принципе не может быть хищной идентичности. Симптомы хищного поведения в этом случае могут быть квалифицированы как социальная болезнь.

Интерпретация тахистоскопической	данных диагностики	ценностно-потребностной антропо-психологической
-------------------------------------	-----------------------	--

идентификации и антропо-психологической идентичности хищных и нехищных человеческих видов должна опираться на следующие общие положения:

1. Если и общественный, и родовой профили ЦПСЛ (антропо-психологическая идентификация и антропо-психологическая идентичность) представлены хищными ценностями, имеет место хищный реализованный тип поведения, не подлежащий коррекции. Хищная ценностная ориентация, зафиксированная только в родовом профиле ЦПСЛ, свидетельствуют о потенциальной хищности, сдерживаемой и пока не проявляющейся в реальном поведении.

2. Если хищные ценности фиксируются только в общественном профиле ЦПСЛ (профиль антропо-психологической идентификации), диагностируется хищное поведение, обусловленное аттитудами, сформировавшимися под влиянием хищных социальных воздействий; эта социальная болезнь лечится методами психологической интервенции.

3. Если же в общественном и родовом профилях ЦПСЛ доминируют нехищные ценности, субъект не склонен к агрессии и насилию, и устойчив к агрессивным социальным влияниям. Такие профили ЦПСЛ (нехищные антропо-психологическая идентификация и антропо-психологическая идентичность) характерны для самого молодого человеческого вида – современных неантропов.

Для тахистоскопической диагностики антропо-психологической идентификации и антропо-психологической идентичности хищных и нехищных видов значимыми являются все зоны ценностно-потребностной сферы личности, но особенное внимание при постановке психологического диагноза следует обращать на зоны «безопасности», «эго», «экзистенциальную», «ритуальную».

1. Диагностика хищного вида суперанималов должна в первую очередь опираться на анализ зон «безопасности»; «эго»; «экзистенциальной»; «ритуальной».

2. Хищный суггесторный вид определяется по значениям зон «гедонизм»; «эго»; «экзистенциальная»; «ритуальная».

3. Для нехищного стадного вида наиболее диагностически значимыми являются зоны «безопасности»; «эго»; «экзистенциальная»; «аффилиативная» и «ритуальная».

4. Психологическая диагностика неантропов опирается, прежде всего, на анализ «гедонистической»; «экзистенциальной»; «когнитивной»; «ритуальной»; «трансцендентальной» ценностно-потребностных зон.

Поскольку возможность формирования высших психических функций у человека обусловлена наличием у него новейших специфически человеческих структур, локализованных в лобных долях коры головного мозга, состояние ВПФ можно связать с принадлежностью к определенному человеческому виду. Следовательно, нейропсихологическая диагностика ВПФ также может использоваться для определения видовой принадлежности индивида. У хищных субъектов невозможно сформировать ВПФ, осуществляющие нравственную оценку реальных действий.

Объяснительные ресурсы современной палеопсихологической теории антропогенеза предоставляют возможность высказать и некоторые гипотезы относительно природы многих психических болезней, этиология которых до сих пор остается неясной. Прежде всего, это состояния, характеризующиеся «неконтактностью», то есть отсутствием у индивида потребности в межличностном взаимодействии, такие как шизофрения и маниакально-депрессивный психоз. Даже среди специалистов бытует точка зрения, что детский аутизм, особенно ярко проявляющийся у так называемых «детей-индиго» – проявление особого интеллектуального таланта, гениальности, что это – люди будущего, которым предстоит строить новый мир. Тем не менее, аутизм может совершенно однозначно трактоваться как предвестник шизофрении, а «неконтактность» – что ни говори, атавизм, возврат к предковым досуггестивным формам поведения, другими словами, регресс. И абсолютно обоснованно О.Б. Морель, Ч. Ломброзо, М. Нордау, С. Сигеле и другие сторонники теории дегенерации в XIX-XX столетиях рассматривали подобные признаки как вырождение.

Первая попытка объяснения психической патологии с точки

зрения эволюционного учения Ч. Дарвина принадлежит К. Фохту, который заметил определенное сходство в строении черепа ранних человеческих предков и больных микроцефалией. 50 лет спустя эту концепцию развил и дополнил русский врач М. Домба.

Эволюционная теория микроцефалии Фохта-Домбы утверждает, что некоторые врожденные психические аномалии представляют собой атавизмы, то есть возрождение в редких особях того, что было всеобщим в филогенетически предковой форме. Причина психической болезни состоит в нарушении элементарных механизмов, с помощью которых люди подвергаются суггестии со стороны других людей. Исключение составляет легкая олигофрения (дебильность) и микроцефалия, при которых внушаемость, напротив, гипертрофирована. Но во всех случаях – это отклонение от нормального диапазона внушаемости.

Неконтактность – броня, закрывающая больного от внушения со стороны окружающих, то есть неконтактность тождественна невнушаемости. Мания и депрессия – противоположные формы неконтактности, тем не менее, приводящие к одному и тому же результату – невнушаемости. Психопатология сверхактивности и пассивности имеет общий признак: «защищенность» от внушения, хотя внушение вовсе не обязательно связано с причинением ущерба, оно вполне может играть и положительную роль. Это свойство, присущее палеоантропам («защищенность от внушения») не является активной защитой; правильнее называть его досуггестивным, поскольку неандертальны были еще вне социальных контактов и не обладали второй сигнальной системой даже в зачаточной форме.

С позиции палеопсихологической теории антропогенеза все психические заболевания можно классифицировать на две группы: генетически обусловленные (маниакальные и депрессивные психозы, генетическая олигофрения, шизофрения и т.д.) и экзогенные (травматические, наркотические, токсические, инфекционные, опухолевые). Истинные или генетически обусловленные психические болезни можно считать воспроизведением разрозненных черт, характеризовавших психику палеоантропов или еще более отдаленных

предков человека. Это поведенческие атавизмы.

Негативный признак всех психических патологий заключается в том, что они воспроизводят эволюционную стадию невнушаемости, то есть не контрсуггестивность, а досуггестивность, которая восходит к нейропсихическим чертам палеоантропов эпохи дивергенции. Поэтому психически больные люди – это неизбежное, по законам генетики, воспроизведение в определенном маленьком проценте человеческих особей отдельных черт предкового вида – палеоантропов.

Атавизмы могут быть и физическими. Реконструкция облика палеоантропов (неандертальцев) и ископаемых неантропов (кроманьонцев) указывает, что их внешний вид значительно различался. В отличие от волосатых палеоантропов, кроманьонцы не имели волос на теле, а также отличались очень сильно развитыми лобными отделами черепа («большелобые»). У неандертальцев лоб был скошен, но по сравнению с ископаемыми неантропами, у них были хорошо развиты затылочные и теменные отделы. Подобные физические атавизмы наблюдаются и у современных неантропов: иногда встречаются чрезмерно волосатые индивиды, не редки представители рода *Homo Sapiens* по строению черепа очень похожие на палеоантропов. Это может свидетельствовать лишь о том, что в генотипе таких индивидов имеется «хищный» неандерталоидный след, что также может служить характерным признаком при определении принадлежности к «хищным» человеческим видам.

Этнос не может быть отождествлен с хищным или нехищным человеческим видом, поскольку формирование этносов происходило уже после завершения процесса дивергенции палеоантропов и ископаемых неантропов. Поэтому в каждой этнической группе есть как хищные, так и нехищные индивиды, разной является только их пропорция.

Этнос – естественная общественная структура, формирующаяся из индивидов, занимающихся сходной деятельностью и проживающих на ограниченной территории в течение длительного времени в условиях внутриплеменных браков при отсутствии какой-либо миграции извне. Этнос определяется двумя группами характеристик – антропотипом и психотипом. Антропотип – совокупность сформировавшихся в процессе

становления и закрепившихся на генетическом уровне внешних физических и физиологических признаков, по которым можно безошибочно определить представителя этноса. Психотип – система генетически закрепленных архетипов родового бессознательного этноса, передаваемая от предков к потомкам.

Исходя из такого определения этноса, следует различать понятия этнической идентификации и этнической идентичности.

Этническая идентификация – сознательное признание личностью своей принадлежности к определенной этнической группе; она целиком обусловлена факторами социального влияния. Этническая идентификация определяется общественным ценностно-потребностным профилем и представляет собой систему социально обусловленных аттитудов, содержанием которых становятся потребности, транслируемые через общественные и властные институты социального влияния.

Этническая идентичность (этничность) – наследственно заданный архетипический комплекс, включающий в себя всю родовую историю индивида. Этническая идентичность определяется родовым ценностно-потребностным профилем, это – система архетипов коллективного бессознательного, наполненных родовыми потребностями этноса, передаваемыми от предков к потомкам.

Нельзя также путать национальное и этническое в человеке, поскольку, в отличие от этноса, нация – искусственное общественное образование, создаваемое властью и включающее, по крайней мере, несколько этносов. На территории России проживает более 220 этнических групп, а нация одна – россияне. Исторически нации создавались в результате захватнических войн, поэтому нацию никак нельзя считать добровольным объединением этносов.

Принадлежность индивида к одному из четырех антропopsихологических типов тесно связана с предрасположенностью к коррупционным формам поведения. Особенности родовой мотивации хищных видов дают все основания предполагать у них врожденный коррупционный диатез. В высшей степени он характерен для хищного вида суггесторов, врожденно склонных к эгоизму, цинизму и

психологическому насилию по отношению к представителям нехищных видов. Хищная родовая мотивация потомков адельфофагов-каннибалов обычно реализуется в агрессии и физическом насилии, поэтому для их социального поведения характерна склонность к насильственным преступлениям. Коррупционное поведение нехищных индивидов может быть только результатом социального научения под воздействием СМИ и иных институтов общественного влияния. Это приобретенные формы социального поведения – аттитюды, а потому рассматриваются как «социальная болезнь» и могут быть скорректированы методами «антикоррупционной психотерапии».

Определить структуру побудительных причин коррупционного поведения также можно с помощью экспериментально-психологических методов, базирующихся на принципе тахистоскопического предъявления «коррупционно значимых» («коррупционно опасных» и «коррупционно безопасных») потребностей, составляющих содержание ценностно-потребностной сферы личности. Такая превентивная диагностика даст возможность количественной оценки прогноза, будет ли, например, кандидат в депутаты злоупотреблять своим статусом или претендент на чиновничью должность брать взятки, когда им станет, а будущий полицейский защищать права граждан или, наоборот, унижать и обирать их; станет ли журналист давать искаженную оценку общественным событиям в угоду личным или чьим-то корпоративным интересам, а бизнесмен – удовлетворять свои хищные потребности в обогащении за счет жестокой эксплуатации или разграбления общенародных природных богатств. Решение этих вопросов, безусловно, снизит социальную напряженность в стране. Это направление экспериментальных антропо-психологических исследований можно обозначить термином «коррупционная психодиагностика» (Морогин, Мазилев, 2015).

Статистические данные, опубликованные организациями, занимающимися исследованиями коррупционной преступности, свидетельствуют, что наиболее коррупционно опасными сферами человеческой деятельности являются государственная служба, правоохранительные органы, юриспруденция, бизнес и СМИ.

Коррупционные тенденции сильны и в общественных движениях различной направленности. Их лидеры через СМИ декларируют благородные цели достижения социальной справедливости, но на самом деле ими движут весьма земные и достаточно хищные побуждения. Экспериментально-психологическое обследование этих лиц с использованием системы «коррупционной психодиагностики» позволит точно определить истинную направленность их побуждений и отделить действительно общественно полезные инициативы от деструктивных.

Система «антикоррупционной психопрофилактики» должна быть направлена на решение еще одной важнейшей задачи – обеспечение оптимальной расстановки кадров в системе государственной службы, правоохранительных органов, общественных и политических организаций, бизнеса и СМИ на основе данных экспериментального антропо-психологического исследования ценностно-потребностной сферы личности. А поскольку выявление лиц, претендующих на занятие государственных и общественно значимых должностей, подразумевающих властные полномочия, а также в СМИ и бизнесе, склонных к коррупции, является важнейшей государственной задачей, должны быть разработаны соответствующие экспериментальные методы объективной психодиагностики настоящих, а не декларируемых при опросах, побуждений и проведены специальные исследования с целью их апробации.

Истинные причины коррупционного поведения можно диагностировать только в случае отключения сознательного второсинального контроля, что достигается путем использования техник тахистоскопического симультанного и сукцессивного предъявления лично значимых «коррупционно опасных» и «коррупционно безопасных» ценностей. В противном случае определение «мотивов коррупционного поведения» будет сведено к вербальному оправданию (самоатрибуции) человеком своих поступков. Разработанная на основе этих принципов компьютерная система экспериментально-психологических методов «коррупционной психодиагностики» как раз и предназначена для количественной оценки истинных побуждений в различных сферах человеческой деятельности государственного

значения (Морогин, Ширяева, Мазилев, 2015). «Антикоррупционная психопрофилактика» должна опираться на результаты «коррупционной психодиагностики», она включает в себя систему специальных мероприятий и практических приемов возможной психокоррекции коррупционных форм поведения. «Антикоррупционная психопрофилактика» – естественное продолжение «коррупционной психодиагностики», ее главная цель – не допустить в коррупционно опасные сферы деятельности склонный к коррупции контингент, а также удалить из этих сфер должностных лиц, врожденно страдающих такой склонностью.

Таким образом, главная задача «антикоррупционной психопрофилактики» – на основе данных, полученных с помощью системы экспериментально-психологических методов «коррупционной психодиагностики» осуществить оптимальную расстановку кадров в системе государственной службы, общественных и политических организаций, бизнеса и СМИ.

Это принципиально новый психологический подход к решению проблемы противодействия коррупции и борьбы с коррупционной преступностью в системе государственного, общественного и политического управления, основанный на возможности выявления истинных неосознаваемых причин социального поведения человека. Если система мер «коррупционной психодиагностики» и «антикоррупционной психопрофилактики» будет реализована в масштабах страны, это позволит в течение ближайших лет искоренить это позорное для России явление.

Описание процедур компьютерной системы ценностно-потребностной тахистоскопической диагностики антропо-психологической идентификации и антропо-психологической идентичности «Антропо-Психологическая Диагностика»

«Система ...» хранится в файлах папки «ariVNPS» на флеш-карте и может быть загружена в оперативную память компьютера двумя способами в зависимости от используемой операционной системы:

- на компьютерах с ОС Windows 7 и более поздних версиях при загрузке в разделе Boot Sequence Setup Bios следует установить флеш-карту в качестве первого загрузочного устройства, а затем перезагрузить компьютер с флеш-карты. «Система ...» загрузится автоматически. Все результаты работы будут сохраняться на флеш-карте в соответствующих файлах базы данных.

- на компьютерах с установленной ОС XP и ниже загрузка программы осуществляется обычным способом: открывается корневой каталог флеш-карты, затем папка \apiVNPS и запускается на выполнение файл apivnps.exe. Работа с «Системой ...» обязательно проводится в полноэкранном режиме, для чего необходимо нажать комбинацию клавиш Alt-Enter. Для нормальной работы «Системы ...» необходимо, чтобы при загрузке компьютера были инициализированы драйверы знакогенератора русского языка, то есть после загрузки операционной системы раскладка клавиатуры должна быть «Русской». В «Системе ...» переключение на русский знакогенератор осуществляется одновременным нажатием правых клавиш Ctrl+Shift, а на латинский – левых клавиш Ctrl+Shift.

Во избежание случайных реакций, которые в процессе тестирования недопустимы, микроманипулятор «мышь» в «Системе ...» не инициализирован, поэтому все выборы и реакции осуществляются с помощью клавиш управления курсором и «Enter».

После загрузки «Системы ценностно-потребностной тахистоскопической диагностики антропо-психологической идентификации и антропо-психологической идентичности» на экране монитора появляется главное меню, предлагающее 4 возможных выбора:

- «База данных» – просмотр результатов предыдущих психодиагностических обследований;
- «АПД» – работа с методиками «Системы ...»;
- «О программе» – сведения о «Системе ...», возможностях обучения и приобретения;

- «Выход» – конец работы с «Системой ...» и передача управления ОС.

До начала работы с психодиагностическими модулями «Системы ...» необходимо определить временной порог тахистоскопической экспозиции обследуемого, поскольку время опознания тестовых стимулов индивидуально и зависит от таких факторов, как возраст, пол, тип темперамента и т.д. Для этого разработана специальная подпрограмма подбора экспозиционного интервала, которая выполняет последовательное тахистоскопическое предъявление одиночного тестового стимула с нарастающим временем экспозиции с шагом 0,01 с. Перед каждым предъявлением тестового стимула в центре экрана появляется фиксационная точка, на которой испытуемый должен концентрировать внимание. Тестовый стимул случайным образом может появиться в любой точке визуального поля. Время экспозиции, при котором субъект опознает тестовый стимул и есть индивидуальный временной порог тахистоскопической экспозиции.

Ценностно-потребностная тахистоскопическая диагностика антропо-психологической идентификации и антропо-психологической идентичности

Обследование начинается с ввода фамилии и инициалов. В «Систему ...» встроен программный модуль поиска, который идентифицирует обследованных клиентов именно по этому параметру, поэтому фамилия и инициалы должны вводиться точно. Если обследуемый уже когда-то тестировался в «Системе ...», его данные будут найдены в базе данных и выведены на экран монитора. Если этот клиент еще не обследовался, и его записи нет в базе данных, или если фамилия и инициалы введены не так как в предыдущих сеансах работы с «Системой ...», последует запрос на ввод данных об этом обследуемом.

После ввода необходимой социально-демографической информации, загружается программный модуль определения индивидуального временного порога тахистоскопической экспозиции. Этот параметр будет использован в диагностических процедурах с этим

конкретным испытуемым.

Следующий модуль «Системы ...» – определение личностно значимых хищных и нехищных ценностей в каждой из 8 зон ценностно-потребностной сферы личности. Эта процедура заключается в тахистоскопическом предъявлении 8 списков этнически значимых хищных и нехищных ценностей, соответствующих 8 ценностно-потребностным зонам, предварительно составленных на основе материалов эквивалентного анализа словарей русского и хакасского языков и последующей проективной экспертной классификации этнически значимых ценностей.

В первых 8 тахистоскопических экспозициях предъявляются этнически значимые ценности гедонистической зоны ЦПСЛ (4 хищные ценности и 4 нехищные антиценности, подобранные с помощью словаря антонимов), и наиболее часто опознаваемая либо хищная, либо нехищная ценность определяется как личностно значимая. Эти ценности предъявляются таким образом, что каждая из них появляется одинаковое число раз, но в различных точках визуального поля субъекта. Таким образом обеспечивается равновероятность субъективного бессознательного опознания этнически значимых хищных и нехищных ценностей.

Точно такая же процедура осуществляется с остальными 7 списками этнически значимых хищных и нехищных ценностей, соответствующих зонам ценностно-потребностной сферы личности: безопасности, эго, экзистенциальной, аффилиативной, когнитивной, ритуальной и трансцендентальной. Для каждой из них в качестве личностно значимой выбирается наиболее часто опознаваемая субъектом этнически значимая хищная либо нехищная ценность.

В результате этой процедуры субъект бессознательно определяет 8 личностно значимых ценностей, которые впоследствии будут использованы как стимульный материал для работы только с этим испытуемым. Кроме того, эта подпрограмма определяет ценностную ориентацию субъекта на хищные или нехищные ценности в каждой зоне ЦПСЛ.

Процедура тахистоскопического определения личносно значимых ценностей осуществляется двумя способами:

- *путем симультанной тахистоскопической экспозиции этнически значимых хищных и нехищных ценностей;*
- *с помощью сукцессивной тахистоскопической экспозиции этих ценностей.*

В первом случае фиксируется список личносно значимых ценностей общественной подструктуры ЦПСЛ, во втором – родовый.

Индивидуальный список личносно значимых **хищных и нехищных** ценностей, определенных с помощью симультанной тахистоскопической процедуры используется в методике психологической диагностики общественного ценностно-потребностного профиля антропо-психологической идентификации субъекта путем симультанной тахистоскопической экспозиции личносно значимых **хищных или нехищных** ценностей.

Набор личносно значимых для субъекта ценностей, выявленных путем сукцессивной тахистоскопической экспозиции, предназначен для использования в качестве стимульного материала психологической диагностики родового ценностно-потребностного профиля антропо-психологической идентичности путем сукцессивной тахистоскопической экспозиции личносно значимых **хищных или нехищных** ценностей.

Диагностика общественного ценностно-потребностного профиля антропо-психологической идентификации

Процедура экспериментально-психологической диагностики общественного ценностно-потребностного профиля антропо-психологической идентификации путем симультанной тахистоскопической экспозиции личносно значимых хищных и нехищных ценностей («АП-тахистоскоп») состоит в том, что испытуемому в визуализированной вербальной форме одновременно предъявляются восемь ценностей, которые были определены как личносно значимые с помощью «Метода определения индивидуальных личносно значимых ценностей» из списков этнически значимых хищных и нехищных ценностей. Время каждой экспозиции равно

индивидуальному временному порогу. В каждой экспозиции ценности предъявляются в различных возможных комбинациях. Испытуемый должен назвать слово, которое ему удалось опознать, а экспериментатор фиксирует названное слово. Всего в эксперименте 64 экспозиции – каждая лично значимая ценность должна быть представлена в разном цвете в разных точках визуального поля с тем, чтобы обеспечить одинаковую вероятность опознания каждой ценности и каждого цвета. Перед каждой экспозицией демонстрируется фиксационная точка, на которой обследуемый должен концентрировать свой взгляд. Нажатие клавиши Enter вызывает экспозицию следующей восьмерки ценностей.

Число экспозиций кратно соответствует количеству экспонируемых лично значимых хищных или нехищных ценностей – 64. Тем самым уравниваются вероятности их предъявления. Количественным показателем теста «АП-тахистоскоп» служит общее число опознаний каждой лично значимой ценности, представляющей одну из восьми зон ценностно-потребностной сферы личности. На основе этой информации составляется индивидуальный ценностно-потребностный профиль антропо-психологической идентификации.

Симультанная тахистоскопическая техника предусматривает одновременное предъявление всех восьми этнически значимых хищных или нехищных ценностей, поэтому субъект в этой ситуации, скорее всего, опознает самое социально значимое для себя слово, обозначающее самую для него актуальную с общественной точки зрения ценность. В этих экспозициях отдельные ценности не оказывают влияния друг на друга, потому что вероятность появления каждой из них в определенной точке визуального поля абсолютно одинакова. 64 экспозиции позволяют выявить статистически самый сильный ценностный аттитюд – группу потребностей, формой для которых служит наиболее часто актуализируемая лично значимая хищная или нехищная ценность, поскольку ценность – общественная форма, наполненная индивидуальными потребностями личности, форма, одинаковая у всех людей, но содержательно уникальная у каждого

человека.

Все предъявляемые в симультанном тахистоскопическом эксперименте ценности лично значимы для субъекта, потому что он сам бессознательно выбрал их с помощью «Метода определения индивидуальных лично значимых ценностей». Но у каждой ценности своя личностная значимость. Легче и быстрее будет опознаваться самая важная для субъекта ценность – та, которая указывает на доминирующую потребность. Подсчитав вероятность опознания всех лично значимых хищных или нехищных ценностей, получаем общественный ценностно-потребностный профиль антропо-психологической идентификации субъекта в виде иерархии лично значимых хищных или нехищных ценностей. Этот профиль показывает ценностные ориентации антропо-психологической идентификации даже тогда, когда субъект попытается скрыть свои настоящие потребности или не осознает их. Чаще всего имеет место второй вариант ситуации, поскольку люди, обладающие настолько глубокой рефлексией – скорее исключение, нежели правило.

Итак, с помощью симультанной тахистоскопической техники предъявления лично значимых хищных или нехищных ценностей диагностируется индивидуальный ценностно-потребностный профиль антропо-психологической идентификации.

Симультанный тахистоскопический метод реализован в форме интраиндивидуального многоуровневого эксперимента, где в качестве независимой переменной выступает общественная подструктура ценностно-потребностной сферы личности. Восемь ценностных зон рассматриваются как качественные уровни независимой переменной. Зависимая переменная измеряется как суммарное число опознаний каждой из восьми лично значимых хищных или нехищных ценностей. Основная проблема интраиндивидуального эксперимента – минимизация эффекта последовательности – решена с помощью метода контрбалансировки – позиционного уравнивания уровней независимой переменной по методу сбалансированного латинского квадрата, потому что полное уравнивание привело бы к нереальному количеству экспериментальных проб – $8! = 40320$.

Диагностика родового ценностно-потребностного профиля антропо-психологической идентичности

Процедура экспериментально-психологической диагностики родового ценностно-потребностного профиля антропо-психологической идентичности путем сукцессивной тахистоскопической экспозиции лично значимых хищных и нехищных ценностей («АП-калейдоскоп») состоит в том, что испытуемому в визуализированной вербальной форме последовательно предъявляются восемь ценностей, которые заранее были определены как лично значимые с помощью «Метода определения индивидуальных лично значимых ценностей» из списков этнически значимых хищных и нехищных ценностей. Лично значимые хищные или нехищные ценности демонстрируются в центре визуального поля друг за другом: каждое следующее слово сменяет предыдущее с интервалом каждой экспозиции равным индивидуальному временному порогу. Перед каждым предъявлением демонстрируется фиксационная точка, на которой обследуемый должен концентрировать свой взгляд. Каждая экспозиция предъявляет одну из возможных последовательностей 8 лично значимых хищных или нехищных ценностей. В эксперименте так же 64 экспозиции, и каждая ценность представлена одинаковое количество раз в разном цвете, что обеспечивает равную вероятность опознания каждой ценности и каждого цвета. Обследуемый называет ценность, которую он успел опознать, а экспериментатор фиксирует названное слово. Нажатие клавиши Enter вызывает следующую последовательную экспозицию 8 ценностей.

В ситуации сукцессивной тахистоскопической процедуры лично значимые хищные и нехищные ценности предъявляются последовательно, и каждая оказывает влияние на опознание других. Поскольку в тахистоскопическом эксперименте нет восприятия из-за слишком короткого времени экспозиции, должны работать иные, глубинные механизмы опознания лично значимых хищных или нехищных ценностей. Эти ценности-формы уже имеются в бессознательном человека, и субъект с большей вероятностью опознает те из них, содержанием которых являются потребности, оказывающие наибольшее влияние на содержание остальных ценностных зон. В

коллективном бессознательном эти ценностные формы представлены родовыми архетипами. При сукцессивной тахистоскопической экспозиции чаще других будет опознаваться наиболее «влиятельный» из них. Поэтому с помощью сукцессивной тахистоскопической техники выявляются лично значимые хищные или нехищные ценности родовой архетипической подструктуры ценностно-потребностной сферы личности.

Косвенным доказательством этой гипотезы может служить феномен, отчетливо проявившийся в сукцессивных тахистоскопических экспериментах. В когнитивной психологии он носит название эффекта края или закона выпадения середины и свидетельствует, что первые и последние элементы сенсорного ряда лучше запоминаются. Но главное в том, что когнитивная психология объясняет этот феномен с помощью механизмов про- и ретроактивного торможения. Иными словами, лучше запоминаются те элементы, которые находятся в начале сенсорного ряда и повторяются большее число раз (согласно парадигме Брауна-Петерсона такая информация имеет больше шансов перейти из сенсорной в кратковременную память), а также последние объекты ряда, в меньшей степени подвергающиеся интерференции со стороны других элементов. Это объяснение удовлетворительно для обычного процесса сознательного запоминания, но оно ничего не объясняет в случае кратковременного предъявления, когда восприятия еще нет. Тем не менее, эффект края отчетливо проявляется в сукцессивных тахистоскопических экспериментах. Следовательно, помимо обычных мнестических процессов, протекающих на уровне сознания, существуют глубинные бессознательные механизмы, и материалом этих процессов служат не внешние раздражители, а содержимое глубинных архетипических структур.

Сукцессивный тахистоскопический метод также реализован в форме интраиндивидуального многоуровневого эксперимента, в котором в качестве независимой переменной выступает родовая подструктура ценностно-потребностной сферы личности. Восемь ценностных зон рассматриваются как качественные уровни независимой переменной. Зависимая переменная в сукцессивном тахистоскопическом

эксперименте измеряется как суммарное число опознаний каждой из восьми личносно значимых хищных или нехищных ценностей. Основная проблема интраиндивидуального эксперимента – минимизация эффекта последовательности – так же, как и в симультанной тахистоскопической процедуре, решается путем позиционного уравнивания уровней независимой переменной по методу сбалансированного латинского квадрата, поскольку полное уравнивание привело бы к нереальному числу экспериментальных проб.

Тест «АП-калейдоскоп» может быть запущен только после выполнения «АП-тахистоскопа», потому что «Система ...» автоматически определяет перцептивный тип обследуемого, который диагностируется по времени, затраченному на выполнение этих двух тахистоскопических тестов. Если лучше и быстрее выполняется «Тахистоскоп», то определяется симультанный (синтетический) тип, если, наоборот, обследуемый лучше и быстрее справляется с «АП-калейдоскопом», констатируется сукцессивный (аналитический) перцептивный тип. В случае одинаково быстрого и качественного выполнения обоих тестов определяется универсальный тип. Проблемный перцептивный тип фиксируется в случае одинаково медленно выполненных тестов «АП-тахистоскоп» и «АП-калейдоскоп». Проблемный тип, как правило, обусловлен наличием у испытуемого какой-то перцептивной патологии, поэтому субъектам этого типа можно порекомендовать провериться у специалиста-офтальмолога.

Эксперимент заканчивается сознательными цветовыми ассоциациями обследуемого на каждую из 8 личносно значимых хищных или нехищных ценностей.

После выполнения всех экспериментальных процедур испытуемому предлагается ответить на несколько вопросов с целью оценки его актуального психофизиологического состояния на момент обследования:

1. Сколько времени (в часах) Вы голодаете?
2. Как давно (сколько часов назад) Вы последний раз утолили жажду?
3. Сколько часов Вы сегодня спали?

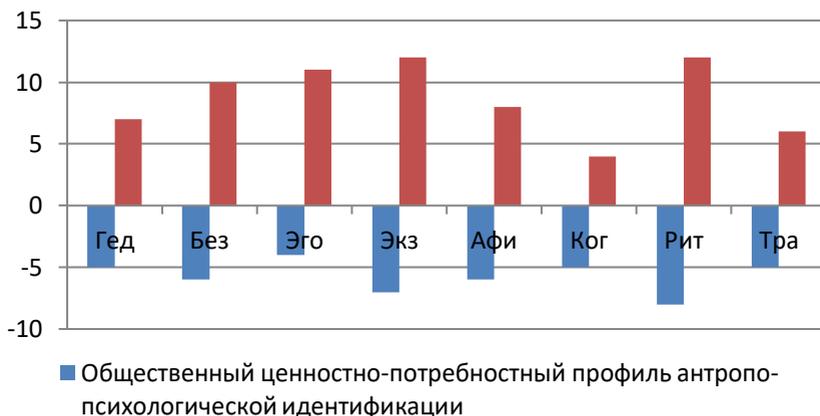
4. Как часто (сколько раз в месяц) Вам снятся эротические сны?
5. Сколько времени (в часах) прошло с момента Вашего пробуждения?
6. Как давно (сколько дней назад) Вы в последний раз занимались сексом?
7. Оцените на основе Ваших субъективных ощущений, как долго (сколько минут) продолжался эксперимент от начала до конца?

Эти вопросы уточняют время, в течение которого были фрустрированы основные психобиологические потребности субъекта. Кроме того, испытуемому предлагается дать субъективную оценку общей продолжительности эксперимента. Информация, полученная в результате этого экспресс-опроса используется для уточнения и объективной интерпретации данных тахистоскопических экспериментов. Субъективная оценка продолжительности обследования необходима для определения степени заинтересованности испытуемого процессом исследования: чем она меньше реально затраченного на эксперимент времени, тем выше степень мотивированности обследуемого.

База данных

При работе с базой данных имеется возможность просмотреть результаты экспериментов в табличном и графическом виде. В таблице представлены индексы общественно-родового конфликта для каждой из 8 зон ЦПСЛ, вычисляемого как разность между суммарными показателями числа опознаний лично значимых хищных или нехищных ценностей в симультанном и сукцессивном экспериментах (индексы антропо-психологической идентификации и антропо-психологической идентичности). Чтобы визуализировать табличную информацию нужно установить курсор на фамилию интересующего субъекта и нажать Enter. «Система...» построит общественный и родовой ценностно-потребностные профили антропо-психологической идентификации и антропо-психологической идентичности. На графике будет отражена также ценностная ориентация на хищные (столбик

графика направлен вверх), либо на нехищные (столбик графика направлен вниз) ценности в каждой из 8 зон ЦПСЛ. Общественный ценностно-потребностный профиль антропо-психологической идентификации обозначен синим графиком, родовой ценностно-потребностный профиль антропо-психологической идентичности – красным.

↑ - хищная ориентация; ↓ - стадная ориентация

Рис. 2. Общественный и родовой ценностно-потребностные профили антропо-психологической идентификации и антропо-психологической идентичности

Время предъявления лично значимых хищных или нехищных ценностей равно индивидуальному временному порогу тахистоскопической экспозиции.

Аналогичным образом строится таблица и картинка для бессознательных цветовых предпочтений в симультанном и сукцессивном тахистоскопических экспериментах: синий столбец – бессознательное предпочтение соответствующего цвета в симультанном эксперименте; красный – в сукцессивном.

Интерпретация общественного и родового ценностно-потребностных профилей антропо-психологической идентификации и антропо-психологической идентичности

Различия между хищными и нехищными субъектами, скорее всего, обнаружатся в родовой подструктуре ЦПСЛ; общественная подструктура, формирующаяся под влиянием сходных социальных воздействий, будет иметь только количественные отличия.

Потомки хищной части человечества – суперанималы (неотроглодиты, потомки адельфофагов-каннибалов) и суггесторы-манипуляторы – врожденно склонны к агрессии и насилию, и это обязательно должно отразиться в их родовом профиле антропо-психологической идентичности.

Суперанималы тяготеют к физическому насилию, суггесторы – к психологическому.

У нехищных субъектов родовой профиль иного типа: в нем будут доминировать нехищные ценности.

Социальное влияние, пропагандирующее хищное поведение и агрессию, способно сформировать и у нехищного человека комплекс агрессивных аттитюдов, что найдет свое отражение в общественном профиле антропо-психологической идентификации. Хищное поведение в этом случае может быть квалифицировано как социальная болезнь. Она, в принципе, лечится.

Если и общественный, и родовой профили ЦПСЛ представлены хищными ценностями, имеет место проявленный хищный тип поведения, не подлежащий коррекции.

Хищные ценности, зафиксированные только в родовом профиле антропо-психологической идентичности свидетельствуют о потенциальной хищности, сдерживаемой и пока не проявленной в реальном поведении.

Если хищные ценности фиксируются только в общественном профиле антропо-психологической идентификации, диагностируется хищное поведение, обусловленное аттитюдами, сформировавшимися под влиянием социальных воздействий, и эта социальная болезнь может

быть компенсирована методами психологической экспансии, в частности, бихевиоральным тренингом.

Если же в общественном и родовом профилях ЦПСЛ доминируют нехищные ценности, субъект не склонен к агрессии и насилию.

Значимыми для психодиагностики хищных и нехищных антропо-психологических типов являются все 8 зон родовой подструктуры ЦПСЛ:

- Гедонистическая: «гедонизм-аскетизм»;
- Безопасности: «тревожность-спокойствие»;
- Эго: «эгоизм-альтруизм»;
- Экзистенциальная: «лояльность-экстремизм»;
- Аффилиативная: «филантропия-мизантропия»;
- Когнитивная: «посредственность-талантливость»;
- Ритуальная: «стадность-автономность»;
- Трансцендентальная: «подражание-творчество».

Диагностика хищного типа суперанималов должна опираться прежде всего на анализ зон «безопасности» (спокойствие), «экзистенциальной» (экстремизм), «ритуальной» (автономность), «трансцендентальной» (творчество).

Хищный суггесторный тип может быть определен по значениям зон «гедонизм», «тревожность», «эгоизм», «лояльность», «стадность», «подражание».

Для нехищного диффузного типа будут характерны высокие значения в зоне безопасности «тревожность», эго «альтруизм», в экзистенциальной «лояльность», аффилиативной «филантропия», трансцендентальной «подражание».

У неантропов диагностически значимыми зонами ЦПСЛ предполагаются гедонистическая «аскетизм», экзистенциальная «экстремизм», когнитивная «талантливость», ритуальная «автономность», трансцендентальная «творчество».

ВПФ также детерминированы принадлежностью к одному из антропо-психологических типов, поскольку за них ответственны новейшие структуры головного мозга человека, наиболее сильно развитые у современных неантропов. Следовательно,

нейропсихологическая диагностика ВПФ также может использоваться для определения видовой антропо-психологической принадлежности индивида.

Литература:

1. Диденко Б. Хищная власть. Зоопсихология сильных мира сего. М., 1997.
2. Вундт В. Психология народов. СПб., 1992. 356 с.
3. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 316 с.
4. Лесгафт П.Ф. Школьные типы. Антропологический этюд. М., 1971.
5. Марков А.В. Эволюция человека. В 2 книгах. Книга 1. Обезьяны, кости и гены. М.: АСТ: CORPUS, 2014а. 464 с.<http://www.ozon.ru/context/detail/id/7386676/>.
6. Марков А.В. Эволюция человека. В 2 книгах. Книга 2. Обезьяны, нейроны и душа. М.: АСТ: CORPUS, 2014б. 512с.<http://www.ozon.ru/context/detail/id/7386677/>.
7. Морогин В.Г. Палеопсихологическая модель коррупции / Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право: / Под общ. ред. к.п.н., А.А. Вотина. Вып. 3; Томский ИПКР ФСИН России. Томск: Изд-во «Графика», 2015. С. 215-224.
8. Морогин В.Г. Психологическая концепция идентичности. Сибирский педагогический журнал. №11. Новосибирск, 2011. С. 233-254.
9. Морогин В.Г. Теория и методы исследования ценностно-потребностной сферы личности // Гуманитарные науки и образование в Сибири. №3. Новосибирск, 2009. С.12-28.
10. Морогин В.Г., Мазилев В.А. Исследования коррупции: ценностно-потребностный подход // Дополнительное профессиональное образование в условиях модернизации / Под науч. ред. М.В. Новикова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. С. 181-227.
11. Морогин В.Г., Ширяева А.А., Мазилев В.А. Методологические основы исследования коррупции: ценностно-потребностный подход //

Методология современной психологии. Вып. 5. / Под ред. В.В. Козлова, А.В. Карпова, В.А. Мазилова, В.Ф. Петренко. М-Ярославль: ЯрГУ; ЛКИИСИ РАН; МАПН, 2015. С. 113-146.

12. Московичи С. Наука о массах // Психология масс. Хрестоматия / Ред. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах, 1998. С. 397-534/

13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, Изд. 4-е, доп., 2006. 944 с.

14. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Психология масс. Хрестоматия / Ред. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах, 1998. С. 195-314.

15. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. М.: ФЭРИ-В, 2007. 176 с.

16. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Книга по Требованию, 2011. 349 с.

17. Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.Н. Засориной. М.: Русский язык, 1977. 936 с.

References:

1. Didenko B. Hishhnaja vlast'. Zoopsihologija sil'nyh mira sego. M., 1997.

2. Vundt V. Psihologija narodov. Spb., 1992. 356 p.

3. Lebon G. Psihologija narodov i mass. SPb.: Maket, 1995. 316 p.

4. Lesgaft P.F. Shkol'nye tipy. Antropologicheskij jetjud. M., 1971.

5. Markov A.V. Jevoljucija cheloveka. V 2 knigah. Kniga 1. Obez'jany, kosti i geny. M.: AST: CORPUS, 2014a. 464 p. URL: <http://www.ozon.ru/context/detail/id/7386676/>.

6. Markov A.V. Jevoljucija cheloveka. V 2 knigah. Kniga 2. Obez'jany, nejrony i dusha. M.: AST: CORPUS, 2014b. 512s. <http://www.ozon.ru/context/detail/id/7386677/>.

7. Morogin V.G. Paleopsihologicheskaja model' korrupcii / Ugolovno-ispolnitel'naja sistema: pedagogika, psihologija i pravo: / Pod obshh. red. k.p.n., A.A. Votnova. Vyp. 3; Tomskij IPKR FSIN Rossii. Tomsk: Izd-vo

«Графика», 2015. Pp. 215-224.

8. Morogin V.G. Psihologičeskaja koncepcija identičnosti. Sibirskij pedagogičeskij žurnal. № 11. Novosibirsk, 2011. Pp. 233-254.

9. Morogin V.G. Teorija i metody issledovanija cennostno-potrebnostnoj sfery ličnosti // Gumanitarnye nauki i obrazovanie v Sibiri. № 3. Novosibirsk, 2009. Pp.12-28.

10. Morogin V.G., Mazilov V.A. Issledovanija korrupcii: cennostno-potrebnostnyj podhod // Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie v uslovijah modernizacii / Pod nauch. red. M.V. Novikova. Jaroslavl': RIO JaGPU, 2015. Pp. 181-227.

11. Morogin V.G., Shirjaeva A.A., Mazilov V.A. Metodologičeskie osnovy issledovanija korrupcii: cennostno-potrebnostnyj podhod // Metodologija sovremennoj psihologii. Vyp. 5. / Pod red. V.V. Kozlova, A.V. Karpova, V.A. Mazilova, V.F. Petrenko. M-Jaroslavl': JarGU; LKII SI RAN; MAPN, 2015. Pp. 113-146.

12. Moskovichi S. Nauka o massah // Psihologija mass. Hrestomatija / Red. D.Ja. Rajgorodskij. Samara: Bahrah, 1998. Pp. 397-534/

13. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. M.: ITI Tehnologii, Izd. 4-e, dop., 2006.-944 p.

14. Ortega-i-Gasset H. Vosstanie mass // Psihologija mass. Hrestomatija / Red. D.Ja. Rajgorodskij. Samara: Bahrah, 1998. Pp. 195-314.

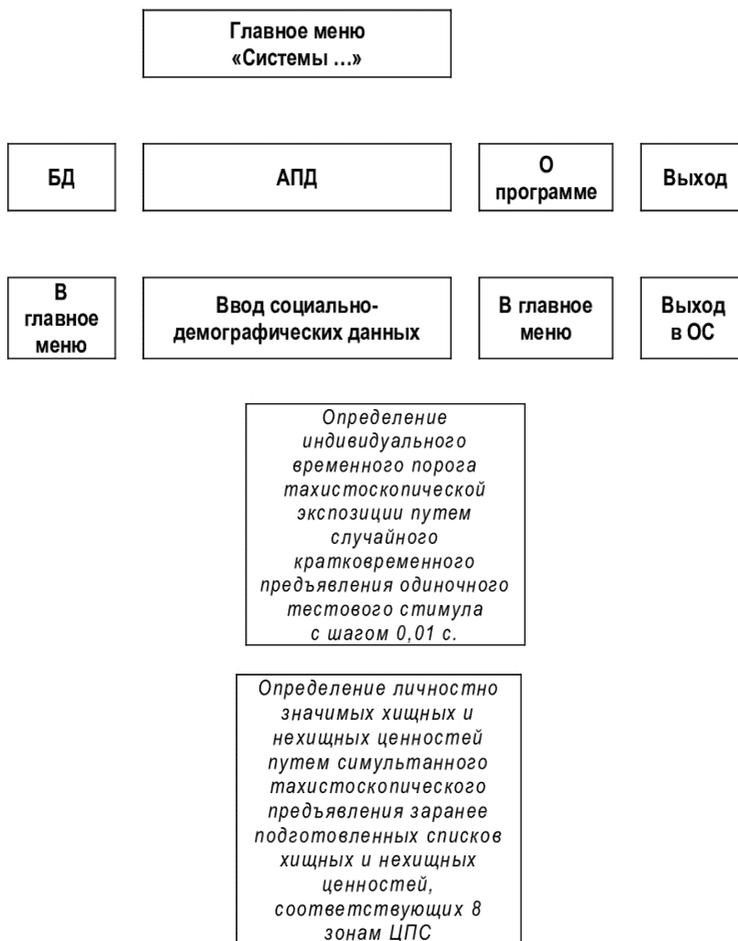
15. Porshnev B.F. O nachale čelovečeskoj istorii. Problemy paleopsihologii. M.: FJeRI-V, 2007. 176 p.

16. Propp V.Ja. Istoricheskie korni volshebnoj skazki. M.: Kniga po Trebovaniju, 2011. 349 p.

17. Častotnyj slovar' russkogo jazyka / Pod red. L.N. Zazorinnoj. M.: Russkij jazyk, 1977. 936 p.

Приложение 1

Блок-схема компьютерной системы ценностно-потребностной тахистоскопической диагностики антропо-психологической идентификации и идентичности

*Диагностика
общественного
ценностно-
потребностного
профиля антропо-
психологической
идентификации путем
симультианной
тахистоскопической
экспозиции лично-
значимых хищных и
нехищных ценностей*

*Определение лично-
значимых хищных и
нехищных ценностей
путем сукцессивного
тахистоскопического
предъявления заранее
подготовленных списков
хищных и нехищных
ценностей,
соответствующих 8
ценностно-
потребностным зонам*

*Диагностика родового
ценностно-
потребностного
профиля антропо-
психологической
идентичности путем
сукцессивной
тахистоскопической
экспозиции лично-
значимых хищных и
нехищных ценностей*

*Цветовые ассоциации на
лично-значимые
хищные и нехищные
ценности*

*Оценка актуального
психофизиологического
состояния и степени
заинтересованности в
обследовании*

В главное меню

Сведения об авторе

Владимир Григорьевич **Морогин**, профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии и социальной работы, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова; академик МАПН (Абакан, Россия), e-mail: morogin_vg@khsu.ru